

АЛЕКСЕЙ
АТЕЕВ

Н А Ш А

МИСТИКА

город
теней

Алексей Атеев

Город теней

«ЭКСМО»

2005

Атеев А. Г.

Город теней / А. Г. Атеев — «Эксмо», 2005

Мертвых на свете больше, чем живых. И не все они обращаются в тлен и прах. Адепты языческого Чернобога впадают в состояние зомби, ждущих своего часа в окрестностях города Светлого, расположенного на месте бывшей деревушки Лиходеевки. Вот из этих-то зомби профессор Струмс из секретного оборонного института задумал сделать совершенных солдат, вступил в контакт с ними и... бесследно исчез. Спустя годы кладоискатель Георгий Лесков и археолог Сергей Белояров потревожили подземные склепы, и на свет полезла такая нечисть, что пришлось вызывать омон. Но зомби не знают страха, город в их руках. И только белые маги с их удивительной силой могут остановить оживших мертвецов...

© Атеев А. Г., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	36
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Атеев

Город теней

Глава 1

Всю жизнь, сколько он себя помнил, Георгий Лесков мечтал найти клад. Возможно, в раннем детстве подобные мысли, если они и присутствовали, окончательно не оформились, однако уже в детском саду Жора столь целеустремленно ковырялся в песочнице и столь глубокомысленно изучал извлеченный оттуда осколок бутылочного стекла или почерневшую монетку, что воспитательница и нянечка называли малютку Лескова не иначе, как «наш археолог».

Шло время, Георгий выучился читать, и любимыми его книгами стали «Остров сокровищ» Стивенсона, «Приключения Тома Сойера» Марка Твена, а также «Приключения Калле Блумквиста» Астрид Линдгрен. Во всех этих произведениях речь, как известно, идет о поиске кладов. Однако наш герой не только исправно читал занимательные книжки, не только грезил о тропических островах и древних замках, но и помаленьку стал осваивать хитрую науку кладоискательства. Проживал он в стольном граде, где на чердаках и в подвалах среди разной рухляди и хлама иной раз попадались и весьма ценные вещи. К тому же в московской земле лежало столько запятого и потерянного добра, что при определенном навыке в ней можно отыскать подлинные сокровища.

Нужно отметить: первоначально Жора не стремился нажиться и тем более разбогатеть на своих изысканиях. Скорее в нем бушевала жажда открытий, ведь Лесков сызмальства был романтиком, а в школе и на улице слыл фантазером. Однако, как известно, кто ищет, тот всегда найдет. Стал находить и Жора.

В Москве постоянно что-то строят и перестраивают. Улицы раскапывают в самых неожиданных местах. Наш герой не мог спокойно пройти мимо нового котлована или вскрытого асфальта. Его цепкий глаз обязательно выискивал среди комьев земли и битого кирпича какую-нибудь «древность». Обычный глиняный черепок, аптечный флакон с двуглавым орлом или стершийся пятак 1896 года никакой ценности не представляли. Подобной дрянью была забита Жорина комнатка в родительской квартире на Пречистенке. Однако нет-нет да и случались действительно интересные находки. Однажды, изучая свежий раскоп, возникший при ремонте теплотрассы в Китай-городе, он вытащил из грязи небольшой, размером с кулак, запечатанный сосудик из лощеной глины, в котором что-то звякало. Оказалось, в сосуде штук двести серебряных копеек-чешуек времен Михаила Федоровича. Не бог весть что, но все же. Другой раз на глаза Жоре попала ржавая железка, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся клинком древней сабли. На чердаке сносимого дома на Потылихе, в куче золы и шлака, он случайно наткнулся на жестяную коробку из-под конфет фабрики Абрикосова, доверху наполненную царскими ассигнациями – «катеньками» и «петрами». Да мало ли чего не отыскивал юный Жора.

Чем старше он становился, чем больше набирался опыта и знаний, тем серьезнее случались и находки. Они уже стоили денег, иногда достаточно солидных. Бескорыстное увлечение археологией постепенно сменилось коммерческим интересом, однако полностью в стяжательство не перешло. Романтическая струнка в его натуре не потеряла звонкости и упругости, и Жору прежде всего волновал сам факт находки, а не ее ценность.

К тридцати годам Георгий Лесков стал весьма преуспевающим молодым человеком. Нужно заметить: кладоискательство было всего лишь хобби, хотя и приносило определенный доход. Однако оно давало прежде всего моральное удовлетворение, а кормило его другое, хотя и смежное занятие. В свое время Лесков с отличием окончил истфак университета, а теперь

пребывал в одном из многочисленных московских музеев в качестве научного сотрудника. Он защитил кандидатскую диссертацию, был на хорошем счету, но науке уделял ровно столько внимания, сколько необходимо для поддержания репутации молодого перспективного ученого. Тем более зарплата в музее крайне низкая. Однако Георгий ценил свое место, которое поддерживало и подтверждало его имидж историка-профессионала, специалиста по антиквариату. Именно как специалист-эксперт он и был известен узкому кругу коллекционеров старинной мебели и утвари, холодного оружия и эмалей, нумизматов, владельцев магазинчиков, торгующих древностями. Выражение «Георгий Михайлович удостоверяет подлинность» являлось вполне достаточным для людей, заинтересованных в покупке той или иной вещи. Словом, Жора, несмотря на молодость, являлся оценщиком самой высокой квалификации. Отсюда прекрасно обставленная, пусть и небольшая, но в историческом центре, квартира, джип, костюмы от «Черутти», рубашки от «Армани», туфли от «Ферре», часы «Бреге». Правда, следует отметить, что шикарная униформа отнюдь не скрывала под собой сноба или плейбоя. «Положение обязывает в нужное время и в нужном месте выглядеть по-европейски», – смеясь, говорил Жора знакомым, из тех, кто поближе. А в обыденной жизни он носил джинсы, футболки с нелепыми надписями и рисунками, толстовки из тончайшей фланели. Словом, выглядел своим парнем.

Кстати, Лесков еще не был женат. У него имелось достаточно женщин, но ни к одной он не привязывался настолько, чтобы предложить ей руку и сердце. Отчасти он даже опасался, что та, которая когда-нибудь появится, разрушит созданный таким тщанием мирок, а главное, уничтожит его независимость. Поэтому он даже не думал о браке, ограничиваясь легкими, ни к чему не обязывающими романами. А ведь почти все девицы, знакомясь с ним, тут же начинали строить далеко идущие планы. Что и говорить, женихом Жора был завидным. Мало того что остроумный и веселый, да к тому же весьма обеспеченный молодой человек. Жора не особенно высок, однако и не низок, широк в плечах, но при этом худощав. Светлые, неопределенного цвета, вьющиеся волосы, серые глаза и легкая, ни к чему не обязывающая, однако очень приветливая улыбка тут же располагали его к окружающим. Первое впечатление: добрый, отзывчивый, даже где-то простоватый малый, несмотря на шикарный прикид и маленькие холеные ручки.

В тот вечер, когда, по сути, все и началось, Георгий Михайлович Лесков сидел за компьютером. Агрегат тихонько гудел на огромном старинном письменном столе, крытом зеленым бильярдным сукном и имеющем по краям нечто вроде фигурного бордюра из точеных баясинок, соединенных сверху перекладиной. Тут же лежали офицерская сабля с кожаным, обмотанным витой проволокой эфесом, темляком и выбитой на клинке надписью «Тула. 1794 годъ», и массивная, сильная лупа. Еще несколько минут назад Жора внимательно изучал гусарское оружие, однако пришел к выводу, что перед ним подделка, хотя и искусная, и тут же потерял к сабле интерес. Сейчас он странствовал по просторам Интернета.

За окном бушевал апрель. Еще утром была нулевая температура, лужи покрылись ломким ледком, но в середине дня значительно потеплело и прошел легкий дождик. Теперь же в распахнутую форточку врывалась струя прохладного, напоенного горьковатой свежестью весеннего воздуха. Запахи оттаявшей земли (окна квартиры выходили в небольшой скверик), тлеющей кучи прелых листьев будили в Жоре неясные, но весьма приятные предчувствия. Впереди лето! А значит?.. А значит, масса свободного времени, и возможно... Нет, почему же возможно? Почти наверняка состоятся поиски. И не где-нибудь в центре Москвы, где все уже тысячу раз обследовано, а в неведомом русском поле, где по тихим широким рекам плыли в Царьград ладьи варягов, где под курганами покоились сокровища скифов и сарматов.

Вот только конкретное место он еще не определил.

К тому же так называемые черные раскопки запрещены законом. Попадешься – потом не отмоешься. Вся репутация – к черту! Так что пусть уж спят курганы темные...

Жора набрал в графе поиска «Клуб кладоискателей», щелкнул клавишей «Enter» и вошел на их сайт. Ничего нового. Похоже, сайт не обновлялся уже месяца полтора. Он бегло пролистал статью о чистке монет, глянул в обзор металлоискателей. Посмотрел характеристики нового «Фишера». Потом переместился в рубрику «Рассказы бывалых». Одно сплошное хвастовство. Найдут на копейку, а базару на рубль. Поэтому он и не любил общаться с «коллегами» по своему хобби. В основном это были либо безусые юнцы, мечтавшие отыскать награбленные сокровища бежавшего из Москвы Наполеона, либо нахрапистые пенсионеры-отставники, обнаружившие на приусадебном участке царский двугривенный и с той поры не оставлявшие мысли отыскать клад.

Настоящие профессионалы никогда не высовываются, поскольку знают: конкуренты так и ждут, когда вы проболтаетесь. Впрочем, желание похвалиться свойственно почти любому кладоискателю. Иной раз за бутылочкой коньяка или виски можно услышать весьма интригующие повествования. Вот только есть ли в них хоть пятьдесят процентов правды?

Стрелка курсора ползла дальше. Ага, вот! «Ненайденные сокровища». Что тут интересного?

«Киевская губерния... Фастовская волость... Место ставки хана Мамая... Сокровища закопаны местными жителями, спасавшимися от татар... Васильковский уезд... В местечке Васильково, на земле помещика Левандовского, в 1907 году обнаружен подземный ход, в который провалилась лошадь. Когда люди, вытащив лошадь, спустились в провал, то обнаружили четыре бочонка с монетами, блюдо с непонятными письменами, ржавое оружие... Бердичевский уезд... Сокровища графа Потоцкого...

Воронежская губерния... Васильковский уезд... Сокровища разбойника Кудеяра...»

Георгий засмеялся. Какая ерунда. Перечень этот, судя по «уездам и волостям», составлен еще до революции. Места нахождения предполагаемых кладов обозначены весьма условно. Даже если там действительно спрятан клад, район поиска имеет разброс в десятки километров. Причем за прошедшие с момента составления списка сто лет местность могла неузнаваемо измениться. Чушь и еще раз чушь. Можно закрывать этот раздел. Дальше «Форум». Посмотрим.

Сей раздел пестрел сообщениями самого разного свойства. Вот, например, полемика: какой металлоискатель лучше? А дальше рассказ какого-то «группенфюрера Мюллера» о находках в Тихвинском лесу. «Железные кресты, знаки различий, «шмайсеры», «парабеллумы»... Тротила немерено... А Леха Гнида нашел в немецком сапоге четыре николаевские десятки...»

Может, и правда. «Черные следопыты» – ребята дошлые. Да и особого труда в поисках военного хлама нет. Под тем же Тихвином, о котором упоминает «группенфюрер Мюллер», до сих пор находится едва прикрытое гнилой листвой огромное количество незахороненных останков, в основном красноармейцев, но и немцы там встречаются. Возле наших скелетов что найдешь? Ржавую трехлинейку, россыпь патронов, металлические пуговицы от гимнастерки да костяные от кальсон, а в немецких блиндажах – оружие, утварь, награды, а главное, именные жетоны, за которые прилично платят германские мемориальные общества. Опять же никакого дорогостоящего оборудования не нужно. Щуп, и все! И добраться элементарно. Два часа на электричке, и ты, считай, на месте. Вот только копать в человеческих костях не по Жоре. Противно! К тому же по тамошним лесам рыщет всякая вооруженная шпана. И на пулю нарваться недолго.

Кумекая подобным образом, Георгий лениво читал сайт и уж хотел было закрыть его, когда на глаза попало довольно забавное объявление: «Имеется информация о местонахождении клада. Готова поделиться с тем, кто поможет его отыскать». Дальше шел номер теле-

фона, судя по индексу, московского, и приписка: «Звонить вечером. Спросить Бланку». Судя по дате, объявление было недельной давности.

Георгий скептически поморщился. Ерунда, наверное. В лучшем случае душераздирающая история о прабабке, потомственной дворянке, в годы революции спустившей шкатулку с семейными драгоценностями в отхожее место в какой-нибудь деревушке по пути из Питера в Ростов. Прабабка, спасаясь от красного террора, бежала на юг, но в пути была застигнута махновцами и поэтому так небрежно обошлась с бриллиантовым колье и с изумрудными серьгами, в которых каждый камень с лесной орех. Если это и правда, то где теперь искать ту выгребную яму? И что это за имя – Бланка? Француженка, испанка?.. Может, позвонить? Почему бы и нет? Бланка... Роскошное имя. Навевает мысли о тропических островах, белейшем коралловом песке, пальмах, склонившихся над лазурной бухточкой... или, на худой конец, о корриде. Оле, оле! Тореро делает изящный пируэт, и сверкающая шпага вонзается под левую лопатку быка... Ладно, позвоним.

Жора взял трубку, набрал указанный номер. Короткие гудки. Занято. Не он один лазает по сайтам кладоискателей. Интересно, почему эта Бланка предпочитает телефон, а не Интернет? Возможно, телефон создает ощущение большей конфиденциальности. Хотя какая разница...

Он вновь набрал номер. И опять было занято. Ну и черт с ней. Дурочка какая-нибудь бессмысленная...

Компьютер был выключен, зато включен телевизор. На экране заскакали бойкие тетки в negligé, и вальяжный красавец с тыквообразной головой запел: «...дайте медный грошик, господин хороший. Вам вернется рубль золотой».

«Ага, – подумал Жора, – и тут подначивают. Но все только обещают...» Он вздохнул, выключил телевизор и, несмотря на относительно ранний час, решил лечь спать. Пока стелил постель, мурлыкал себе под нос нечто вроде: «О, Бланка! Твои зеленые глаза...» Откуда пришел этот мотивчик, а особенно слова, он и сам не знал. Возможно, они родились только что. Имя Бланка явно взволновало Жору. Он улегся, но сон не шел. Поворочавшись с боку на бок, наш герой поднялся и некоторое время топтался возле окна, вдыхая вливающиеся через приотворенную створку весенние запахи. Душу сладко щемило, словно в предвкушении чего-то весьма приятного. Он взглянул на часы. Начало двенадцатого. Для звонка поздно, хотя, с другой стороны, какая ему разница. Написано: звонить вечером, а вечер еще не кончился. И он вновь взял трубку.

На этот раз довольно долго звучали длинные гудки, потом на том конце провода мужской голос недовольно произнес: «Алло».

– Пожалуйста, Бланку, – осторожно произнес Жора.

– Не время для частных разговоров, – не особенно любезно отозвался мужик.

В трубке раздалось шуршание, легкий скрежет, и Жора услышал женский голос:

– Да?

– Я звоню по объявлению. Прочитал вот...

– Девятый, – констатировал голос. В нем слышалась легкая тоска.

– Тогда извините.

– А вы кто?

– Да как вам сказать... В общем-то, специалист.

– Все так говорят.

– Я – не все! – неожиданно разозлился Жора и хотел было повесить трубку, но голос с интересом спросил:

– Вы действительно разбираетесь в данном вопросе?

– Допустим.

– А кто вы вообще?

- Историк.
- Уже веселее. Студент?
- Кандидат наук. Вас это устраивает?
- Вполне. Если, конечно, так обстоит на самом деле.

Неожиданно Жоре пришло в голову, что он общается с ребенком. Голос у собеседницы был довольно высок, если не сказать пискляв. «Школьница? – предположил он. – Просто развлекается. И объявление ее – туфта. Предлог для знакомства».

– Послушайте, – предложил он. – Давайте перейдем к делу. Время довольно позднее. К тому же человек, который снял трубку, ваш отец, должно быть, явно не выразил восторга от моего звонка.

– Верно, – подтвердила девушка, – папе не нравятся эти ночные перезвоны. А что касается дела... По телефону толком не расскажешь. Может быть, встретимся?

Ага. Напрасивается на свидание. Бойкая, видать, девка. Не послать ли ее подальше? Впрочем, это всегда успеется. Процентом на девяносто она морочит голову. Но, возможно, и не морочит. От встречи его не убудет.

- Я не возражаю, – сообщил Жора.
- Когда и где?
- Да хоть завтра. Знаете что, приходите ко мне в музей.

Он назвал, в какой именно.

– А кем вы там трудитесь? Директором? – предположение было высказано вполне серьезно.

- Нет, научным сотрудником, – так же серьезно отвечивал наш герой.
- О! Звучит солидно. Во сколько?

– Скажем, часов в одиннадцать. Подойдете к вахтеру и спросите... – он запнулся. А стоит ли называть фамилию?

- Кого?
- Лескова Георгия Михайловича.
- Как писателя?

– Да. Именно. Как писателя. – Упоминание о знаменитом однофамильце в связи с собой всегда несколько раздражало, а временами и злило Жору. Сейчас последует вопрос: а не является ли он потомком означенного Николая Семеновича? Но вопрос, к счастью, не прозвучал.

- Хорошо. Завтра ждите.

Георгий лежал в постели и перебирал в памяти перипетии разговора. Казалось бы, ничего особенного, и все же молодого человека не оставляло чувство, что его мистифицируют. Но с какой целью? Познакомиться желает? Но ведь она даже не знает, кто с ней говорит. Ладно. Завтра разберемся.

В музее, где трудился Георгий Лесков, его столь ценили, что даже отвели отдельный кабинет. Небольшая эта комнатка была обставлена весьма живописно, если не причудливо, и производила определенное впечатление на редких посетителей. Впрочем, Жора старался без особой необходимости не общаться здесь с посторонними. Пригласив в гости неведомую Бланку, он просто захотел произвести на нее впечатление.

На стенах висело несколько сабель, изодранная кольчуга и древнерусский шлем-шишак. Между оружием красовались складни и иконы, выполненные в технике перегородчатой эмали. На стеллаже расставлены древние фолианты вперемежку с современными внушительными томами исторических светил. Тут же приткнулось несколько коричнево-желтых человеческих черепов, а также незаконченная скульптурная реконструкция одного из них. Кроме древнего железа, на стенах висели копия картины Васнецова «После побоища с половцами», на которой две хищные птицы быются насмерть над телами павших витязей, и карта России, испещренная

понятными одному Жоре значками и пометами. В кабинете также имелись компьютер, микроскоп и прочие хитрые штуковины, необходимые современному ученому.

Поглядывая на часы, Жора закурил (вообще-то курил он редко), достал со стеллажа здоровенный нумизматический каталог «Краузе» и принялся его листать. Минутная стрелка «Бреге» приближалась к одиннадцати. Ровно в назначенный час в кабинет осторожно постучали. «Войдите», – солидно произнес научный сотрудник. Дверь отворилась, и на пороге возникло довольно миленькое существо. На вид сублильной, скромного росточка девчужке можно было дать не больше шестнадцати. Белая синтетическая куртка, полосатые «футбольные» гетры, тяжелые «солдатские» ботинки. За спиной декоративный, хотя и плотно набитый, рюкзачок. Личико круглое, смугловатое, очень живое, на вздернутом носике очки. Две косицы переброшены на грудь. Школьница!

– Вы... э-э... Георгий Михайлович? – поздоровавшись, спросила девушка.

Жора с достоинством кивнул.

– А я – Бланка, – девушка протянула маленькую узкую ладошку, которую Жора очень осторожно пожал. – Можно присесть?

– Конечно.

– А если я сначала куртку сниму?

– Да ради бога. Не стесняйтесь.

– А я и не стесняюсь.

Бланка сняла рюкзак, сбросила куртку, оставшись в пестром свитерке из грубой шерсти с высоким, под горло, воротом и юбке из коричнево-желтой шотландки. Она уселась в кресло, повозилась в нем несколько секунд, устраиваясь поудобнее, и взглянула на Жору. Лицо ее было серьезным, однако в глазах прыгали чертенята.

– Значит, это вы мне вчера звонили, – утвердительно произнесла Бланка и строго взглянула на Жору. Тот промолчал, лишь чуть заметно усмехнулся. Однако девушка уловила насмешку и тут же насупилась.

– Думаете, пургу мету? – сердито спросила она.

Тут уж Жора не выдержал и по-настоящему рассмеялся. Жаргонное выражение, слетевшее с пухлых розовых губок, звучало весьма нелепо. Девушка вскочила с кресла и схватила курточку.

– Вы куда? – изумился Жора.

– Вы меня всерьез не принимаете. Думаете, если большой и ученый, то можно издеваться?!

– Да я и слова еще не сказал. Чего вы дергаетесь. Никто не собирается над вами издеваться. Хотя, конечно, если я вам не нравлюсь, можете катиться... Насильно вас сюда никто не тянул.

Бланка в раздумье вертела в руках свою куртку. С одной стороны, ей, как видно, хотелось остаться, с другой – сохранить лицо.

Жора ждал. Девчонка весьма занимала его. Жалко будет, если она уйдет.

Наконец Бланка, поджав губы, оставила в покое верхнюю одежду и вновь опустилась в кресло. Потом она спросила разрешения закурить, достала из сумочки сигарету и пустила клуб дыма в сторону Жоры.

– Хорошо, – после нескольких затяжек изрекла Бланка, – я останусь... пока.

– Нет, милая, так дело не пойдет, – с нажимом произнес Жора. – Останусь, не останусь...

Вы пришли, насколько я понимаю, с серьезным вопросом, значит, и вести себя нужно серьезно. Я трачу на вас время, оторвавшись от весьма срочной работы (тут он приврал), давайте ближе к делу.

Строгий тон, видимо, произвел должное впечатление. Бланка потупила глазки, потом сняла очки и стала протирать их батистовым платочком.

– Вы правда специалист по кладам? – близоруко щурясь, спросила она.

– Правда!

– Но как бы лучше выразиться?.. Вы – работник музея, значит, человек подневольный. Допустим, найдете что-то ценное с исторической точки зрения. Как поступаете тогда? Сдаете в музей?

– Конечно. Особенно если участвую в археологической экспедиции.

– А клад?

– Если он содержит золото, драгоценности и прочее, сдаю государству и получаю двадцать пять процентов от стоимости. Хотя подобные находки случаются крайне редко. И вообще, занимаюсь поисками не с целью разбогатеть, а, так сказать, для души.

– А вот мне хочется именно разбогатеть. Двадцать пять процентов – это не особенно много.

– Смотря что найдешь. Иной раз набегает очень приличная сумма. Во всяком случае, для школьницы.

– Опять насмехаетесь? Я – не школьница!

– А кто же?

– Студентка госуниверситета.

– Тоже неплохо. Так о чем все-таки речь?

Девушка замолчала, достала новую сигарету... Она напряженно думала.

– Значит, вы готовы сотрудничать со мной? – наконец спросила она.

– Допустим.

– И если мы находим что-нибудь серьезное и получаем эти самые проценты, сколько я должна вам отдать?

– Как минимум половину от прибыли.

– Так дело не пойдет!

– Почему же?

– Слишком много!

Жора хмыкнул:

– Я пока даже не знаю, о чем идет речь, а вы затеваете торговлю.

– Поверьте, дело стоящее!

– Ну так расскажите?..

– А если вы меня обманете? Кинете, как последнюю лохушку.

– Вы мне не верите?

– Я вас не знаю.

Жора поднялся и, сделав каменное лицо, направился к выходу.

– Тогда прошу прощения, – холодно произнес он, распахивая дверь. – И не смею задерживать. Мне нужно работать.

Сцена произвела соответствующее впечатление, на что он и рассчитывал. Девушка завертелась в кресле, не зная, как вести себя дальше.

– Погодите, не выгоняйте, – жалобно произнесла она. – Я согласна.

– На что согласны?

– Ну... эти проценты... И вообще. Я расскажу...

– А может, не стоит? – решил еще немного поломаться Жора. – Найдете себе другого помощника. Сами же вчера говорили: мой звонок восьмой... Или девятый? Сейчас кладоискателей – пруд пруди. Каждый выдает себя за специалиста экстра-класса. Может быть, и процент будет поменьше. Торговаться нужно. Торговаться! Ребята попадают на крутые. С ног до головы в коже. Харлеи, косухи, банданы, металлоискатели последних моделей... А я что... Простой кандидат наук. Так сказать, научный червь. К тому же условия ставлю довольно жесткие...

Бланка потерянно молчала.

Жора прикрыл дверь и вернулся на свое место. Он с треском захлопнул каталог «Краузе», отчего со стола вспорхнуло облачко пыли, потом снисходительно взглянул на девушку:

– Так что у вас?

– Можете обращаться ко мне на «ты», – печально произнесла Бланка. – Как к будущему партнеру...

– Ого! Мы уже партнеры?!

– Ну не нужно так, – в голосе девушки прозвучала едва прикрытая мольба.

– Ладно, давай рассказывай, – смилостивился Жора.

Бланка извлекла из своего рюкзачка весьма потрепанную канцелярскую папку, положила ее себе на колени и пристально взглянула на нашего героя:

– Вот.

– Что «вот»?

– Документы.

Жора, перегнувшись через стол, протянул руку к папке, но девушка отодвинулась подальше, вне пределов его досягаемости.

– Вначале несколько слов...

– Ну давай...

– Эту папку я нашла у себя дома. Как-то делала генеральную уборку и обнаружила ее в самом дальнем углу книжного шкафа, под старыми «Огоньками». Развязала тесемки, гляжу, в ней какие-то допотопные документы. Ну я, даже не глядя, бросила ее в кучу предназначенного для выброса разного хлама. Папку углядел отец. Подобрал. Повертел в руках... «Ее не выкидывай», – говорит. «А что это?» – спрашиваю. «И сам толком не знаю, бумаги старинные, нашел в детстве в куче макулатуры». – «Ну и зачем они?» – «Может, когда-нибудь пригодятся. Ты, если любопытствуешь, можешь проглядеть. Весьма занятное чтение».

Короче, я забрала папку себе и бросила на письменный стол. На нем она и валялась пару недель. Все руки не доходили. Наконец однажды раскрыла... Там лежал обрывок старинного пергамента, а может, бумаги, свернутый вчетверо, и общая тетрадь. Пергамент написан старинной вязью, ее я плохо разбираю, а общая тетрадь заполнена записями фиолетовыми чернилами, похоже, допотопной, перьевой ручкой. Ну, стала я тетрадку просматривать... И вот обнаружила... – Бланка запнулась.

– Клад?

– Типа того. Не сам, конечно, а рассказ о нем. Где находится, кем закопан...

– А мне посмотреть можно?

– Для этого и принесла. Вот только...

– Что?

– Если я вам папку отдам, а вы потом ее не вернете? Скажете: потеряли, или что вообще я вам ее не давала.

– Ты опять?

– Но ведь я вас совсем не знаю, только, пожалуйста, не обижайтесь.

– Хорошо, я тебе расписку напишу.

– Расписку? И она будет иметь юридическую силу?

– Заверим музейной печатью и подписью свидетеля. Все, как полагается.

– Тогда можно. И как долго вы будете изучать ее содержимое?

– Ну, не знаю... Сначала нужно посмотреть.

Бланка протянула Жоре папку. Тот развязал тесемки, и из папки выпал сложенный вчетверо лист потемневшей бумаги и старая, рассыпающаяся общая тетрадь. Жора осторожно развернул лист. Пересохшая от времени бумага (а это была именно бумага) затрещала на сгибах, готовая развалиться. Да, собственно, она и так кое-где треснула, и лист почти распался. К тому же он обгорел с одного края. Так что текст, похоже, шел не сначала. Он был написан старосла-

вянской скорописной вязью, и при беглом взгляде удалось вычленишь лишь отдельные слова. С этим придется повозиться. Общую тетрадь он даже не стал перелистывать. Нужно было сначала разобраться с девушкой.

– Так, значит, тебе нужно расписку? – спросил Жора.

– Хотелось бы.

– Ладно, получишь. – Жора сдвинул документы в сторону и достал чистый лист. «Расписка, – вывел он сверху. – Дана сотрудником исторического музея Георгием Михайловичем Лесковым Бланке...» Твое отчество?.. Константиновне... Фамилия?.. Рамирес. – Он оторвался от письма и с любопытством воззрился на девушку: – Ты что, испанка?

– Седьмая вода на киселе. Дедушка был испанцем. Привезли в СССР перед войной, еще ребенком. Слышали, наверное, про детей, вывезенных из Испании в конце Гражданской войны, когда там фашисты победили.

– Интересно. Значит, Рамирес, «...от которой мною получена папка с документами (древняя рукопись и общая тетрадь). Обязуюсь вернуть ее в целостности и сохранности в течение месяца с момента написания этого документа. Подпись. Число». Теперь нужно заверить.

Жора отворил дверь и во весь голос крикнул:

– Марина Александровна?!

Через минуту в кабинет вошла немолодая грузная женщина, дожевывая что-то на ходу.

– Марина Александровна, нужно заверить расписку, – обратился Жора к женщине.

– Пожалуйста. А что она вам отдает?

– Да вот... Старые рукописи, – Жора показал на стол.

– И что в них?

– Еще не знаю.

Женщина расписалась, потом Жора сходил в канцелярию, поставил печать и вручил бумагу Бланке. К ней он присовокупил свою визитку, на которой стояли номера рабочих и домашних телефонов, в том числе и сотового.

– Кажется, все.

– Когда вам позвонить? – спросила Бланка.

– Денька через три.

Девушка оделась, потом исподлобья взглянула на Жору. Казалось, она хотела еще что-то сказать, но, похоже, в последнюю минуту передумала.

– Надеюсь на вашу порядочность, – вместо прощания произнесла она и покинула кабинет.

Глава 2

Наш герой неподвижно сидел за столом, стараясь не смотреть в сторону разложенных поодаль документов. Предстояло исследовать их, а перед этим нужно сосредоточиться, одновременно отрешившись от сиюминутной суеты, сконцентрировать внимание, обострить чувства, включить интуицию. Помедитировав с полчаса, он решил, что готов к работе.

С чего начать? Перед ним старинный манускрипт и рассыпающаяся общая тетрадь в порыжевшем коленкоре. Ах да. Еще папка. Начнем с нее, пожалуй.

Жора поднял картонку за выцветший шнурок и помотал ею перед носом, словно ожидая, что из нее вывалится что-нибудь новенькое. Но, увы. Папка оказалась пуста. Он присмотрелся к картонной обложке. Поблекшая, полустершаяся надпись: «Личное дело». Еще какие-то едва различимые карандашные каракули. Сверху над «Личным делом» что-то виднеется. Он взял лупу. Ага, буквы. Первая «Л», дальше «и», «х», «о».

Лихо! Что это за лихо такое? Еще какие-то литеры – «е» и «а». Итак, получается: Лихо е...а. Лихое дела? Почему первое слово в единственном числе, а второе во множественном? Нет, не то! Лихие дела? Но пятая буква точно «е». Лихолетье? Опять не то. Может, прибавить света?

Жора включил настольную лампу и вновь взялся за лупу. «Лиходеевка», – кое-как разобрал он. Дальше цифры. Похоже, дата. 13. 03. 1948. Ясно. «Личное дело» завели вскоре после войны. Больше ничего примечательного на папке не имелось. И то хлеб.

Теперь за что браться? За древнюю рукопись или за тетрадку? Конечно, записи в тетрадке достаточно четкие, почти каллиграфические, и чернила хотя и поблекли, но вполне различимы. Однако, скорее всего, тетрадь – комментарии к рукописи. Значит, нужно начать с нее.

Жора подвинул к себе рукопись. Это, конечно же, не пергамент, а бумага. Лист большой, что называется, неформатный. Заляпан, покрыт пятнами, с одного края обгорел. Взглянем на просвет.

Он поднес лист к лампе. Ага! Имеются водяные знаки! Видны они плохо, поскольку лист сильно загрязнен, однако разобрать рисунок все-таки можно. Отлично! Теперь несложно определить страну изготовления, а возможно, и время. Жора снял со стеллажа большую стационарную лупу и поднес к ней лист. Так. Водяной знак в виде герба. На среднем столбе три косых андреевских креста. Щит поддерживают два вздыбленных леопарда.

Он отложил лист, отворил дверь кабинета и заорал:

– Марина Александровна?!

– Ась? – послышалось в ответ.

– На минуту.

Вновь появилась дородная дама. Она по-прежнему что-то жевала.

– Еще чего подписать? – поспешно слотнув, спросила дама.

– На этот раз другое. По водяным знакам чего у нас в библиотеке есть?

– По водяным?.. Трехтомник Лихачева Николая Петровича. «Палеографические значения бумажных водяных знаков». Еще дореволюционного издания.

– Я, пожалуй, в него загляну...

Через полчаса происхождение бумаги было установлено. Оказалось, она изготовлена в Голландии, скорее всего, в конце семнадцатого – начале восемнадцатого века. Об этом говорил водяной знак в виде, как оказалось, герба Амстердама. Отлично! Значит, бумага почти наверняка подлинная. Наверное, и текст настоящий. Итак, текст... Пора браться за него.

Жора достал лист стекла, по размеру чуть больше самого манускрипта, положил под него лист с текстом, на стекло поставил стационарную лупу, а рядом пристроил сильную лампу. Теперь текст вполне можно было разобрать.

Что ж, приступим. И он принялся читать:

«В лето Господне от сотворения мира 7214, а от Рождества Христова 1706, июня в 18 день в нашу обитель пожаловал государев дьяк Петр Скрыбин с ратными людьми, для проведения сыска. А сыск тот пущен по злему навету чернеца Прохора, которого отец настоятель, преподобный Серапион, приказал высечь за непотребство, а именно неумеренное питание хмельного зелья, блудное, а, иножды, и насильное сожителство со многими жонками, кои в монастырь приходили приложиться к чудотворным мощам святого старца Варсонофия. Сей Прохор, затая злобу лютую, измыслил и сотворил навет на настоятеля, преподобного Серапиона. Будто бы сей Серапион говорил про царское величество многия неистовые слова, хулил его на проповеди и вселюдно обзывал Антихристом и исчадием ада. Кроме сего, как указал дьяк Скрыбин, преподобный Серапион подбивал народишко бунтоваться против Государя и на сие дело давал денег немало. Посему Государь после сыска неправедного повелел преподобного Серапиона бить кнутом и сослать на вечное житие в монастырь на Белоозеро, обитель упразднить, а братию забрить в ратные люди.

Опрежь того за два дни преподобный Серапион, видя для обители разорение и гибель неминуемую, а для себя бесчестье, призвал меня, келейника Анфимия, и наказал увезть из обители монастырскую казну и спрятать ее до особого дня в заветном месте, а именно в сельце Лиходеевке, отстоявшем от монастыря далече, но при этом весьма пригодном и благоприятном для сего начинания. Тамошний помещик, господин Кокуев, приходился преподобному родным братом. Посему он заране извещен о моем прибытии. Поклав на телегу фляги с добром, я тронулся в путь и чрез два дни прибыл в означенное сельцо. Господин Кокуев встретил меня по доброму и тотчас озаботился сокрытием монастырской казны. Порешил он закопать фляги на погосте, а именно в господском захоронении, кое отлично от остальных своим видом. Это малая часовенка, в полу коей есть плита каменная с кольцом. Ежели поднять плиту за сие кольцо, открывается ход вглубь. Там и стоят господские гробы, а пол и стены в сием погребке вымощены камнем. Однако же для фляг мы с ним, трудясь целый день, выдолбили в стене малую пещерку, куда и поставили сии фляги, а после заложили стену камнем, и гляделось так, словно никакой пещерки досель не водилось. Сам погреб преогромный, и, надобно думать, места для будущиx усопших в нем достаточно. Пещерка находится от входа строго на север, высота от пола – два аршина. Фляги две оловянные с широким горлом. Каждая – в аршин высотой. В одной деньги: мелкая серебряная копейка, а окромя нее, новые, серебряные же рубли и полтины, заграничные талеры-ефимки и золотые червонцы. Во второй фляге камня драгоценные, жемчуга и всякая золотая и серебряная рухлядь, коею в монастырь вкладывали прихожане. А за три столетия ее набралось весьма изрядно.

К сему руку приложил старец Анфимий.

Писано сие года 7215 или 1707 от Р. Х., генваря 6, в Богоявлениев день».

Жора окончил чтение, перевел дух, поднялся и подошел к окну. На подсохшем асфальте прыгали девчонки, играя в классики. Даже странно видеть в наше время подобное развлечение. А вот скажут же! Он взглянул на часы и только сейчас вспомнил, что с утра во рту крошки не было. Так увлекся, что забыл про обед. Но действительно дело-то весьма занятно.

Итак, рукопись указывает на закопанный почти триста лет назад клад, и, судя по всему, по стоимости весьма приличный. Местонахождение – таинственная Лиходеевка. Однако сразу же возникают вопросы. Первый: где искать эту Лиходеевку? Возможно, это или самое простое, или самое сложное. Название деревни довольно редкое.

Он достал «Атлас автомобильных дорог», глянул в указатель названий населенных пунктов. Нет никакой Лиходеевки. Вот Лиховка есть. Где, интересно, она находится? Ах, на Украине, в районе Днепродзержинска. Не то! Речь наверняка идет о средней полосе. Был

монастырь. Его почему-то закрыли. Хотя известно почему. Настоятель выступал против Петра. Ну и что? Мало ли подобных деятелей имелось в то время. Наказали и сослали – это понятно, но зачем же закрывать обитель? Так в ту пору не поступали. Кстати, название монастыря в рукописи не фигурирует. Опять же непонятно почему. Может, глянуть эту Лиходеевку в Интернете?

Жора включил компьютер, набрал в поисковике нужное слово. Ага, есть! Река в Мурманской области... Впадает в Белое море... Место обитания ценных промысловых рыб, семги, ряпушки... Далековато от Центральной России. За два дня на телеге туда не доедешь. Да и не деревня это...

Он взглянул на общую тетрадку. От света пересохший коленкор обложки начал загибаться по краям. Может быть, в тетради имеются указания, как отыскать эту Лиходеевку? Возьму тетрадь домой, решил он, на досуге полистаю. А вообще, довольно на сегодня. Пора до хаты...

По дороге Жора заскочил в универсам, купил замороженную пиццу, потом, подумав, взял еще одну, прихватил литр молока и коробку песочного печенья. Он вообще любил мучное. Дома он засунул пиццу в микроволновку, налил полную поллитровую чашку с коронами и парусными кораблями, включил телевизор и одновременно зачем-то компьютер и уселся на кожаный диванчик, прихлебывая молоко, откусывая от громадного куска открытого пирога с сыром, помидорами, луком и грибами. Хотя пицца, на его вкус, оказалась так себе, он, съев ее, тут же запустил вторую, однако явно пожедалничал. Есть большие не хотелось. Он отщипнул чуть-чуть с краю, через силу проглотил. Потом развернул свежую «Комсомолку», однако читать не смог. Некий зуд овладел им. Взгляд то и дело натякался на лежащую на письменном столе тетрадку со свернувшимися, точно мороженые уши, углами. Наконец он не вытерпел, взял ее и улегся на диван, свесив ноги в сторону.

Почерк действительно было каллиграфический. На второй странице стояло:

«Записи для памяти Ивана Петровича Кривых. Год рождения 1924. Начато 12 октября 1945 года».

Дальше шли ничего не значащие фразы, типа: «Опять снижены цены на ряд продуктов и товаров народного потребления. Слава товарищу Сталину!» или «Видел во дворе Клавку, подмигнул ей, она состроила пренебрежительную гримасу...»

Ниже шли жирные почеркушки, как если бы в перо попала волосинка и пишущий пытался ее убрать. Заканчивалась страница жирным чернильным отпечатком пальца.

На следующем листе записи были длиннее и имели более содержательный характер.

«На фронте все было просто и понятно: впереди враг, его нужно сокрушить. А теперь... Непонятно, чем заняться. Ни специальности, ни работы... Те крохи, которые имел, тают как по волшебству. Ладно, мать подкармливает, но у нее самой негусто. Говорит: иди работай. Но куда?! Хотелось бы все же учиться. Может, на киноактера. Внешность у меня, как говорят, подходящая».

Ходил во ВГИК. Опоздал. Курс уже набран. Вообще отнеслись весьма прохладно, даром что фронтовик. Тут таких полно; в шинелях и гимнастерках без погон. Все рвутся в артисты.

В пивной встретил Леньку Ворона, с которым учился в одном классе. Ворон – это его кличка, а по-настоящему фамилия – Чернов. Поговорили «за жизнь». Темный он парень. Насколько я понял, не воевал. Не то в эвакуации кантовался, не то сидел. Прямо не говорит.

Опять с Вороном. Выпили по кружке пива и поллитровку. Водку покупал я. Узнал, что умею шоферить, предложил работенку. Нужно перегнать трофейный «Опель» из Балашихи в Москву. Вроде хозяин умер, а вдова машину продает. Согласился.

Ворон, похоже, уголовник. Как-то пригласил в Марьину Рощу на квартиру, или, как он выразился, «на хату». Я не возражал. Поехали на трамвае. Оказались в какой-то трущобе. Впрочем, только снаружи. Домшико на вид неказистый, а внутри почти роскошно. Ковры,

картины, хрустальная люстра... И при этом сортир на улице и печное отопление. Собралось человек десять: шесть парней, включая нас, и четыре девахи. Не поймешь, кто хозяин. Командовал мужик лет сорока, но не владелец, это точно. Его все слушались, почтительно называли дядей Иваном, папашей. Пили водку и пиво, девки – вино. Еды – от пуза. Даже жареный поросенок имелся. И это в то время, когда все по карточкам. Когда подпили, заговорили на тюремном языке, который я плохо понимал, потом дядя Иван взял гитару и стал петь уголовные песни. Я в тот раз сильно напился.

Ворон в приказном тоне потребовал, чтобы я сел за руль «Опеля» и отвез их, в том числе и дядю Ивана, «на дело». «На какое дело?» – спросил я. «Лавочку продуктовую грабанем», – сообщил Ворон. Я отказался. Он стал нажимать, потом начал орать, достал финку, угрожал... Однако я не поддался, и он ушел, обматерив меня напоследок. Через два дня я узнал, что Ворона и остальных задержала милиция.

Устроился в артель, где валяют валенки. Работа грязная и малооплачиваемая. К тому же довольно тяжелая. Может, от грязи, а может, от излишних усилий вскрылась старая рана на руке. Загноилась... Из артели пришлось уйти... Сижу дома, мать ворчит.

Вот и Новый год! Встретил его дома. Идти никуда не хотелось, да и не в чем. Кроме гимнастерки, считай, надеть нечего. Старые одежки школьных времен малы, а на новые нет денег. Приглашали девчонки из класса. Говорят: приходи. Будут все, кто остался в живых, а погибло из нашего класса пять парней и одна девушка. Особенно жаль дружка моего Ваську Морковина. Убило его, бедолагу, под Кенигсбергом. Так никуда и не пошел. От тоски даже немного поплакал. Выпили с матерью по сто грамм из заветной бутылочки и на боковую».

Жора отложил тетрадь и поднялся с дивана. Левая нога затекла, он потоптался на месте, расслабляя ее, потом прошлепал на кухню и принялся за песочное печенье.

Хрумкая, он размышлял о прочитанном. Конечно, довольно интересно читать записки очевидца тех угрюмых лет, но про Лиходеевку пока ничего не встретилось. Ладно, продолжим.

«Началась весна. В моей жизни почти ничего не изменилось. Постоянной работы нет. Перебиваюсь случайными заработками. Раздумываю, куда буду поступать. Не оставляю мыслей о кино. А может, лучше на инженера? Мать твердит о педагогическом, но учителем я быть не хочу. И в медицинский особой тяги нет. Или в автодорожный податься?»

Вчера увидел наклеенное на углу дома объявление: «Интеллигентному работнику умственного труда требуется водитель на личный автотранспорт». Я сорвал бумажку и тут же отправился по указанному адресу. Встретили меня довольно прохладно, хотя и вежливо. Хозяин, «интеллигентный работник умственного труда», расспросил меня подробно, умею ли водить, где работал до этого. Похоже, я ему не особенно понравился. Одет непрезентабельно, и вообще... Попросил оставить адрес. Ушел, даже не особенно расстроившись.

Через неделю пришло письмо. Меня приглашали явиться по адресу работодателя. Пошел без особой охоты.

Ура! Меня приняли. У хозяина «эмка». Не новая, но в хорошем состоянии. Прежний водитель уехал к дочери на Дальний Восток. Так, во всяком случае, мне сказали. Хозяин, зовут его Венедикт Никитич Кудрявцев, профессор, преподает историю, кажется, средних веков. Его семья – жена Елена Сергеевна тоже преподает в военной академии, дочь Марфа и сын Виссарион. Дочь – студентка, сын – учится в девятом классе. Люди как будто неплохие. О хозяине, по сравнению с первоначальным общением, у меня изменилось мнение в лучшую сторону. Он всегда вежлив, хотя и холодноват в обращении. Каждый день возжу его и хозяйку в университет, вечером встречаю и везу домой. Дети тоже часто пользуются машиной. Кроме упомянутых членов семьи, имеется и домработница. Почти ежедневно ездим с ней по магазинам и рынкам, так что простаивать не приходится. Жалованье мне положили небольшое – семьсот рублей. Правда, хозяин в счет зарплаты купил мне новый костюм и отдал кое-

какие вещи своего сына, который по телосложению совсем как я. Обедаю я также у них. По выходным возжу их на дачу.

Не могу четко определить, доволен ли, но, во всяком случае, наступила хоть какая-то определенность.

Вчера Венедикт Никитич приказал мне собираться в дальнюю дорогу. На вопрос: «Куда?» – ответил, что в какую-то деревню для проведения там неких полевых изысканий. Еще он сообщил, что поедет поначалу один, без коллег, поскольку не желает пока разглашать суть своей работы. Хозяин потребовал, чтобы я подготовил автомобиль для поездки по сельской местности, сменил масло, подзарядил аккумулятор и т. д. Кроме того, нужно запастись канистрами для бензина и цепями. Все исполнил.

Пишу уже на месте. Мы наконец добрались до деревушки с дурацким именем Лиходеевка. Путешествие наше было весьма примечательным. Отправились из Москвы мы в понедельник во второй половине дня, а в областной центр прибыли во вторник к обеду. Хорошо, что лето на дворе. Тепло, даже жарковато, так что я ночевал на улице. Нарезал травы, расстелил полог и спал как барин. Венедикт Никитич спал в машине, но к утру тоже перебрался на улицу. Говорит: душно.

Дорога до областного центра так себе. От Москвы километров двести шел асфальт, а дальше, триста с лишком километров, разбитый насыпной тракт. Машин встретилось мало. Венедикт Никитич вначале все больше молчал, потом стал спрашивать меня о фронтовой моей жизни, о боях... Так и доехали. В областном центре заправились. Залили в обе канистры бензин и даже купили еще одну. Хозяин сказал: «Про запас». В общем, «горючка» имеется. Решили на ночь глядя в неизвестное место не отправляться. Переночевали в местной гостинице, потом поели в общепитовской столовой, запаслись кое-какими продуктами и вновь в путь.

Дорогу на эту Лиходеевку толком никто не знал. Да многие вообще не подозревали о существовании деревни с таким названием. Один указывал в ту сторону, другой – в эту. Наконец разговорились с водителем молоковоза. Тот сказал, что знает, где находится Лиходеевка, но давно там не бывал. Дорогу он растолковал довольно обстоятельно, даже начертил схему. Мы двинули в путь, и, конечно же, не туда. Плутали часа два, Венедикт уже начал сердиться. Наконец какой-то «добрый человек» указал «нужное направление», и мы вообще заблудились. Мало того, застряли в болотине. И я толкал, и хозяин толкал, все без результата. Решили ночевать. Развели костер, я сварил кулеши. Выпили малость. Так хорошо стало, будто у лужи этой два часа не корячились. Опять улеглись на пологе, только комары поначалу надоедали. Утром я вырубил две слеги, положил их под колеса и довольно быстро выбрался на сухое место. Хозяин враз повеселел. Поехали дальше, искать эту чертову Лиходеевку. Деревни здесь встречаются редко, да и вид у них, словно на дворе восемнадцатый век. Глушь дикая! Однако теперь нужное направление указывали безошибочно. И вот наконец мы подъехали к искомой деревушке. В ней всего десятка два дворов. Избы крыты соломой и гонтом, во дворах колодезные журавли, плетни из ивняка, и трава кругом по пояс. Деревья еще имелись столетние. Не знаю какие. Липы, наверное. Или тополя. И вот что еще странно. Обычно въезжаешь в деревню, сразу народ сбегается. Ребячишки особенно... А тут – тишина. Словно в пустыне.

Я машину остановил у крайней хаты, Венедикт Никитич вышел, в дверь постучался. В ответ молчание. Он дальше пошел – та же картина. Словно вымерли все. Нигде не души.

И я тоже вышел. Оглядываюсь... Словно в другой век попали. Ни телеграфных столбов, ни радиорепродукторов.

«Допетровская Русь», – выразился Венедикт Никитич.

Наконец глядим: идет дед какой-то. Венедикт Никитич к нему:

– Скажите, любезный, это Лиходеевка?

Дед утвердительно кивнул.

– Ну, и слава богу!

Деда аж передернуло, словно от зубной боли.

– Где тут у вас сельсовет? – спрашивает Венедикт. Старец отрицательно замотал головой и припустил от нас почти бегом.

– Может, тут староверы обитают? – предположил я. – Поэтому и нелюдимые такие?

Но хозяин отверг это предположение, сказав, что просто здесь Тмутаракань и глушь несусветная. Живут, говорит, в лесу, молятся колесу... Однако нужно на постой останав- ливаться. Пошли мы по деревне. Видим, у одной хаты в огороде бабенка копошится. Мы к ней. Разговорились, попросились на несколько дней остановиться. Она охотно согласилась пустить нас. Как оказалось, звать ее Глафирой, живет одна с двумя мальыми ребятами: мальчиком и девочкой. Мужика на фронте убило. Наконец-то хоть один нормальный чело- век встретился. Переночевали мы, а наутро Венедикт Никитич облачился в сатиновые шаро- вары, толстовку подпоясал ремешком, на голове соломенная шляпа. Дачник, одним словом. Взял полевую офицерскую планишетку и двинул в лес.

– Это он куда? – спрашивает у меня Глафира. – И зачем вы вообще к нам приехали?

– Точно и сам не знаю, – отвечаю. – Хозяин говорит: по какой-то научной надобности. Изыскания проводить.

– Тут у нас кругом болота. Как бы твой изыскатель не потоп.

– Не потопнет, – говорю. – Человек он обстоятельный и осторожный.

По лесу Венедикт Никитич бродил до обеда, я уже беспокоиться начал. Пришел грязный и злой, однако, когда поел, вроде успокоился. Отдохнул малость и спрашивает хозяйку: «Где тут у вас кладбище находится?» А та: «И чего же вам там нужно?» – «Это уж мое дело».

Хозяйка вроде как напряглась, однако довольно толково рассказала, как туда добраться. Венедикт Никитич опять собрался и ушел. Вернулся он под вечер. По лицу видать, довольный. На другое утро опять в лес пошел. Меня с собой не зовет, я и рад. В лес идти – никакого желания. С машиной возился, потом с хозяйкой болтал о том о сем. Рассказывал, как воевал, расспрашивал: чем здесь люди живут, как пропитаются. Оказалось, народ в дере- венке в основном пожилой. Живут своим хозяйством, ни в колхоз, ни в совхоз не записаны, да и нет поблизости данных организаций. Словом, Венедикт Никитич оказался прав. Действи- тельно, «...молятся колесу». До ближайшей «чирквы» (церкви то есть), сказала Глафира, полста верст, а до города все сто. Мимо хаты, где мы остановились, несколько раз проходил давешний старец, который от нас в первый день припустил. Я спросил: кто он такой? Ока- залось, нечто вроде местного старосты.

Венедикт на этот раз явился под вечер, опять в очень хорошем настроении. Он с аппе- титом поужинал, шутил со мной, хозяйкой и ребятишками, рассказывал о своем детстве, которое, по его словам, провел в городе Кинешме, на Волге. На следующий день в лес он с утра не пошел. Бродил по деревне, пытался завести знакомство с местными жителями, но, похоже, неудачно. После обеда сказал мне, что, скорее всего, сегодня ночью мы уедем. Соби- райся, говорит, потихоньку, но хозяйке пока ничего не говори. Часов в девять вечера Венедикт вновь отправился на прогулку в лес. На этот раз, кроме планишетки, взял с собой электриче- ский фонарик и монтировку, с помощью которой я разбортовываю колеса. Монтировку он завернул в старую газету, а потом засунул в объемистый пустой рюкзак.

Я, стараясь не привлекать внимания, сложил вещи, подтянул кое-какие узлы в автомо- биле и, не дождавшись Венедикта Никитича, лег спать.

Когда утром проснулся, его в доме не было. Я спросил Глафиру, куда он делся. Она отве- тила, что так с вечера и не приходил. Я встревожился. Нужно, говорю, идти искать. Она пожала плечами, но идти на поиски желания не выказала. Тогда я, предварительно спросив, в каком направлении он гулял, отправился на поиски. Примерно через час ходьбы я наткнулся на

старинное кладбище. К нему вела еле заметная тропинка. Кладбище больше похоже на городское, чем на деревенское. Солидные мраморные памятники, несколько склепов. Если судить по надписям на надгробиях, некогда здесь погребали окрестных помещиков. На краю кладбища имела полуразрушенная церквушка. Я зашел в нее и обнаружил на захламленном полу рюкзак Венедикта Никитича, его же планишетку и свою монтировку. Тут у меня и вовсе душа ушла в пятки. Подобрал вещи, я бросил их в рюкзак, накинул его на одно плечо и выскочил из церквухи. Тут же стал кричать, звать хозяина, однако кругом царила тоскливая тишина. Несколько больших черных птиц, по виду вороны, только крупнее, взлетели в воздух и принялись летать над моей головой, противно каркая. На меня нашло нечто вроде помрачения разума. Я стал бессмысленно бегать по кладбищу, непрерывно крича. Но тщетно. Венедикт Никитич пропал.

Наконец я немного опомнился и пришел в себя. Что делать дальше? Где искать хозяина? И как понимать брошенные на пол вещи? Неужели с ним что-то случилось?!

Я методично обшарил все кладбище, но никаких следов хозяина, кроме вещей, найденных в церквухе, не обнаружил. Тогда я пошел, вернее, побежал дальше. Примерно через полчаса все такая же едва заметная тропа вывела меня к краю болота. Я пошел по топкому берегу и очень скоро увидел среди осоки и камышей плававшую на поверхности воды соломенную шляпу Венедикта Никитича. Тут сердце мое упало куда-то вниз, и я без сил сел на землю. Неужели хозяин утонул?! Спустия какое-то время я разулся, разделся догола и полез в болото. Однако же сразу возле берега увяз по колено и дальше идти не смог. Кое-как выбравшись, я вновь оделся и побежал в деревню.

На мои крики, что нужно спасать Венедикта Никитича, Глафира довольно равнодушно отвечала, что поскольку он, видать по всему, утон, то как его теперь спасешь. И даже труп достать никак невозможно. Во-первых, некому. Народ в деревушке хилый, на ноги-то встает еле-еле. Да и не отыщешь его. Засосало в самую глубину. И скотина тонула, и люди, случалось. Никого не отыскивали. Прорва!

Положение мое оказалось пиковым. Я совершенно не знал, что делать дальше. Походил по деревне, постучал в хаты. Но все словно вымерли. Ни одна дверь не открылась. Я достал планишетку Венедикта Никитича. Там были его документы, а также какой-то древний документ вроде пергамента. Я решил ехать в город за помощью. Быстро собрался и отбыл.

К моему сбивчивому рассказу в областном управлении милиции отнеслись с большим недоверием. Что это за профессор такой? С чего это он вдруг приехал сюда? С какой целью? На отдых? Ах, на исследование! Чего именно?

Ни про какую Лиходеевку в милиции никто и не слыхивал. Позвонили в Москву в университет. Там сообщили: Венедикт Никитич Кудрявцев находится в календарном отпуске. Все же выделили троих сотрудников, двух милиционеров и одного спасателя, и мы вновь отправились в деревушку на нашей «эмке», хорошо хоть заправили ее. Милиционеры восприняли поездку на поиски тела как увеселительную прогулку. Они взяли с собой водку и закуску и начали пить, как только мы выехали из города. Когда поздней ночью добрались до Лиходеевки, мои спутники лыка не вязали. Нужно заметить, выпил с горя и я. На другое утро повел их к болоту. Шляпа по-прежнему плавала в мутной воде среди осоки. Спасатель попробовал войти в воду, но его, как и меня, тут же начало засасывать. Он стал бросать в топь кошку, но, сколько ни старался, кошка вытягивала одну лишь тину. Прокковырившись часа два, он плюнул и сказал, что никакого профессора тут и близко нет. Злые с похмелья милиционеры стали поглядывать на меня с подозрением. «А не ты ли сам, братец, прикончил своего хозяина, а теперь выдумал, что он утонул?» – спросил старший милиционер. – Какой дурак по собственной воле залезет в эту топь». Я возмущился: «С какой стати мне его убивать?!» Тут они стали допытываться: зачем все-таки приехал в эту глушь Венедикт Никитич, за шестьсот верст, аж из самой Москвы. Ничего конкретного ответить я не смог. Мы вернулись в город...»

Дальше в тетради шло описание перипетий следствия, судебного разбирательства и взаимоотношений несчастного водителя с семейством исчезнувшего профессора. Эту часть Жора пролистал довольно бегло. Единственное, на что он обратил внимание: автора дневника Ивана Кривых все-таки не посадили. Повезло! Времена были суровые!

Последние записи в тетради были, видимо, сделаны спустя несколько лет после описанных событий.

«Вновь возвращаюсь к той давней истории. Что же произошло в злосчастной Лиходеевке и зачем туда вообще приехал Венедикт Никитич? Теперь, после внимательного изучения сохранившегося у меня манускрипта, все стало ясно. Несомненно, Кудрявцев направился в Лиходеевку на поиски клада. Нашел ли он его? Скорее всего, да. Во всяком случае, добрался до места, где клад закопан, и даже видел его. Что с ним стало потом? Утонул? Вряд ли. Мог ли он, находясь в добром здравии, пусть даже ночью, нечаянно забрести в болото? Сомнительно. Тем более что у него имелся электрический фонарь, который, кстати, так и не был найден. Значит, его убили? Но кто, а главное, зачем? Ну, отобрали бы клад. Хотя кому отбирать? Ветхим старичкам? Не стыкуется. Да и если допустить такое, выходит, за ним следили? Одни вопросы... Иногда меня так и подмывает вновь съездить в Лиходеевку и разобраться во всем окончательно, а возможно, и поискать клад».

На этом месте дневник обрывался.

– Занятно, – произнес вслух Георгий. – Весьма.

Он отложил тетрадь в сторону, пошел на кухню и, налив стакан молока, открыл коробку с печеньем. Когда наш герой был взволнован, на него нападали неумный жор.

Итак, что он выяснил? Судя по всему, имеется клад, и клад весьма приличный. Известно место, где он захоронен. На кладбище, находящемся вблизи деревни Лиходеевки, на расстоянии примерно часа ходьбы от нее. Это, так сказать, то, что в плюсе. А в минусе?

Неизвестно, в какой части страны находится эта Лиходеевка. Автор дневника упорно не называет областной центр, только пишет: «Ехать пришлось за шестьсот верст». Можно также допустить: территория, на которой стоит Лиходеевка, не находилась в оккупации. Дело происходило года через два-три после войны, и, если бы немцы были там, автор бы обязательно об этом упомянул. Почему все-таки он не называет города? Опасается, что кто-то может вычислить местонахождение деревушки? Но дневник – вещь сугубо личная. Кто его может прочитать, кроме автора? Хотя почему бы нет? Ну, допустим, обнаружится эта Лиходеевка. А если нет? Как утверждает статистика, десятки тысяч деревень исчезли с лица нашей земли за последние сто лет и продолжают исчезать. Но ведь она так или иначе существовала? Значит, зафиксирована на картах, планах, в ревизских сказках. Покопаться в архивах, наверняка найдутся концы. Это не проблема. Наоборот, только добавляет интереса. Но вот другое... А лежит ли там клад и сегодня? Вот вопрос! Сокровища были закопаны в самом начале восемнадцатого века в фамильном склепе. А, собственно, существовали ли в это время фамильные склепы? В аристократических усадьбах, скорее всего, но вот в отдаленном поместье?.. Ладно, допустим, имелся и там. Но ведь прошло уйма времени! Склепы расширились, перестраивались, в конце концов, уничтожались. Клад спрятан в нише, заложеной камнем. Давным-давно нашли! Но ведь этот Иван Кривых утверждает, что профессор Кудрявцев клад таки отыскал. Вот только не сумел унести. А отыскал ли? Ведь он прихватил с собой инструмент только в последнюю ночь перед тем, как исчезнуть. Нет! Наверное, все-таки нашел. Поэтому его и... Вот тут начинается самая сомнительная часть. Кто-то выследил профессора, грохнул его, а сокровища забрал себе. Автор дневника тоже высказывает подобное предположение, хотя и сомневается в нем. Мол, в деревушке, кроме ветхих стариков, никого не было. Откуда он знает? Да и сам себе противоречит. Бабенка, у которой они останавливались, как раз средних лет. Может, это она и прикончила Венедикта? Очень даже запросто. Одна жила, без мужа. Двое мальцов на руках.

Кормиться как-то нужно. Или тот старик, который им попался в первый день приезда... Тоже вполне мог долбануть этого Венедикта.

И, наконец, последний, самый фантастический вариант, однако тоже возможный. Венедикт все же достал клад. Достал и подумал: «А кой черт мне опять возвращаться к постылой семье и скучной работе? Не лучше ли будет с такими бабками уехать к теплому морю, купить домик на берегу и жить в свое удовольствие?» Хотя, опять же, времена были не те. Это сейчас подобный вариант – вполне обычный, а тогда... И все же отбрасывать его не стоит. Однако главное сейчас – разобраться, где же находится эта самая Лиходеевка. Самое простое – обозначить хотя бы приблизительный район поисков. Сделать это очень просто. Нужно взять обычную карту России и циркуль. Отложить по линейке масштаб, равный шестистам километрам, и провести круг. Потом отсечь те территории, которые были «под немцем».

Он так и сделал. Однако картина вырисовывалась самая приблизительная. В зону охвата попадал чуть ли не десяток областей.

Стоп! – осенило Жору. Ведь в почтовом ведомстве существует перечень всех населенных пунктов страны и их индексов. Чего уж проще пролистать его. А если нет там никакой Лиходеевки? Ладно, завтра попытаемся разобраться, а теперь спать.

Глава 3

Однако на почте его ждало разочарование. В современном справочнике Лиходееки не значилось, более же ранних изданий в отделении не имелось. Пришлось тащиться в Ленинку. После долгих поисков и просматривания пыльных томов Жора все же выяснил, что деревушка с таким названием имела в N-ской области в сороковые-пятидесятые годы. Сейчас же на ее месте стоит город Светлый, построенный в шестидесятые.

«Ну вот и все, – разочарованно размышлял наш герой. – Какой уж теперь клад. Если он и существовал, то либо был выкопан в период строительства города, либо просто завален, забетонирован, и на его месте возведен какой-нибудь объект».

Пару дней Жора ходил в раздумьях. С одной стороны, перспектив почти никаких, с другой – мысли о кладе не покидали его. Если уж взялся за гуж... Нужно выяснить все до конца. И он решил съездить в областной центр, посетить местный краеведческий музей, в надежде, если возможно, хотя бы прояснить ситуацию. Оформив командировку, Жора сел в свой джип и двинул в N-ск.

В этом городе прежде ему бывать не доводилось. Впрочем, ничем примечательным N-ск на памяти Жоры не славился. По его мнению, это была большая деревня, несмотря на областной статус. Ну, центр более или менее современный. Хотя слово «современный» определяет его характеристику с большой натяжкой. Дома в основном дореволюционной постройки – одно- и двухэтажные особнячки, трехэтажные присутственные здания. Довольно миленькие на вид и даже в некоторых случаях умело отреставрированы. Кроме «уездного ампира», имелись здесь и тяжеловесные хоромы сталинского стиля: театр оперы, здание бывшего обкома и прочие очаги власти и культуры. Более поздние времена были представлены в основном хрущевскими пятиэтажками, брежневскими девятиэтажками, а также зданиями на первый взгляд непонятного назначения, построенными из стекла и бетона. В них могло находиться все, что угодно: ресторан, цирк, кинотеатр или даже планетарий. Однако наш герой не особенно рассматривал местные достопримечательности. Ему было не до экскурсий.

Краеведческий музей размещался в одном из вышеупомянутых ампирических особнячков и выглядел со стороны весьма уютно. Немного портила впечатление большая стройка, раскинувшаяся непосредственно возле особнячка. Стройке, видать, не менее десятка лет, поскольку она успела порости чахлым кустарником. Черные проемы окон и дверей недостроенного здания напоминали о войне и разрухе. Из-за угла выбежала собачонка и боязливо устала на Жору. От нагретого апрельским солнцем асфальта поднимался пар, в небесах суетились недавно объявившиеся грачи. Они облепили высоченные голые тополя и громко галдели, видимо, радуясь прилету на историческую родину. Стекла особнячка сверкали безумным светом.

Жора потянул на себя тяжелую дубовую дверь, которой на вид никак не меньше ста лет, вошел в полукруглый вестибюль. Пахло здесь, как, наверное, во всех музеях мира, мастикой для натирания паркета, мышами, но больше всего пылью. Жоре приходилось бывать в Британском музее, и даже там, пускай и не столь отчетливо, присутствовал подобный запах. Основа запаха была всюду одна и та же, а вот составляющие, так сказать, флюиды, отличались. Например, в музее, где работал Жора, мышами пахло значительно слабее, а в Британском музее вообще не пахло. Запах мастики в Жориной обители бил в нос не столь резко, а в английском учреждении казался более благородным. Но вот запах древней пыли всюду был одинаков.

В графе «Цель командировки» Жора проставил: «Ознакомление с результатами раскопок средневекового городища». Он где-то читал, что в области было найдено что-то подобное. Поэтому, войдя, он заинтересовался у смотрительницы, где найти директора, получил подробное разъяснение и двинул на поиски. Впрочем, искать пришлось недолго. На высокой белой двери со старинной латунной, начищенной до золотого блеска ручкой имела табличка,

поясняющая, кто является хозяином кабинета. Жора постучался и, не дожидаясь приглашения, вошел.

Кабинет директора музея практически не выдавал должности своего сидельца. Он мог принадлежать директору ЖКО или начальнику похоронной конторы. На стенах висели графики и таблицы, непонятно о чем повествующие, на тумбочке у окна стоял графин с водой. Единственными украшениями кабинета были два чучела: глухаря и гигантской щуки. Хотя они больше бы подошли председателю общества охотников и рыболовов. За письменным столом сидел маленький кругленький человечек неопределенных лет в тяжелых роговых очках и с увлечением играл в «Тетрис».

Жора представился и сообщил о цели своего визита.

Появление москвича, казалось, не произвело на человечка никакого впечатления. Не отрывая напряженного взгляда от дисплея и не снимая правой руки с «мыши», левой он нажал кнопку селектора и проговорил жестяным голосом: «Роза Марковна, зайдите!»

Через минуту в кабинете появилась миловидная брюнетка средних лет с весьма кислым выражением лица.

– Вот, – сказал директор, указывая свободной дланью на Жору, но от экрана глаз не оторвал. – Приехал товарищ к нам из столицы. Покажите ему... В общем, все, что он захочет.

– Так-таки и все? – саркастически спросила брюнетка.

– Что сочтете нужным, – поправился директор.

– Ну, пойдете, товарищ из столицы, – сказала брюнетка и, взяв Жору, как младенца, за руку, потащила за собой. – Так что вы хотели? – спросила она, усадив его на весьма потрепанный стул в заставленном разнообразным старьем закутке и включив стоявший на плитке древний чайник.

«Наверное, следует сказать прямо», – подумал Жора.

– И так?.. – вновь спросила Роза Марковна.

– Меня интересуют сведения о деревне Лиходеевке.

– О Лиходеевке?! Извините, не слышала.

– Маленькая такая деревушка существовала в здешних местах. На ее месте город нынче построен. Светлый...

– Ах да! Что-то такое припоминается. Там еще издревле некий сатанинский культ процветал. Дремучее было место. И, судя по рассказам, в этой Лиходеевке некогда имели место весьма странные события. Какие-то там подземелья, старинные захоронения... Подробностей, увы, не помню. Что-то там искали...

– А именно?

– Ну не помню! Дела давно минувших лет. Ученые, кажется, приезжали... Да отправляйтесь туда. Там тоже краеведческий музей имеется. Довольно неплохой, между прочим. Заведует им некий Сергей Белояров, весьма толковый господин. Не то что наш тютя. Энергичный и компетентный мужик, а главное – молодой. Правда, он там недавно. Года два или чуть больше. Собственно, я могу ему сейчас позвонить.

Жора, естественно, не возражал.

– Сергей Александрович? Здравствуй, дорогой. Это Гражданкина. Как поживаешь? Ну, понятно. Я чего звоню. Тут к нам из Первопрестольной человек прибыл. Из Исторического музея. Ага. Так вот, он интересуется Лиходеевкой. Чем конкретно? А вот сам с ним поговори.

Брюнетка сунула трубку Жоре.

– Приветствую, Сергей Александрович. Извините, что беспокою, но у меня к вам ряд вопросов. Нельзя ли подъехать?

Голос на другом конце провода звучал как будто весьма доброжелательно. Они договорились о встрече. Жора записал адрес музея в Светлом, попрощался с любезной Розой Марковной. Плюхнулся в джип и порулил в Светлый.

Вспомнив прочитанные недавно дневниковые записи, Жора предположил, что дорога в неведомый Светлый будет ужасна, в лучшем случае терпима. Но оказалось, что за полстолетия все кардинально изменилось. В город вело вполне приличное шоссе, и весь путь занял чуть больше часа. Заблудиться тоже было невозможно. На каждом перекрестке имелись указатели.

Вдоль дороги стеной стояли леса. На березах еще не распустилась листва, зато громадные сосны высились во всем своем нарядном великолепии. Хотелось съехать с высокого полотна шоссе и улечься на чуть влажную, пружинящую хвою под такой вот сосной и полежать в первозданном покое, ни о чем не думая, хотя бы полчаса. Однако Жора не поддался собственным фантазиям, а продолжал мчаться навстречу приключениям. Скоро машина приблизилась к монументу, напоминающему треугольник с раструбом на вершине. Рядом высились бетонные литеры, складывающиеся в название города. Жора некоторое время недоуменно размышлял, что означает сей треугольный монстр, но вскоре понял: этот детеныш египетских пирамид, очевидно, лабораторная колба, должествующая символизировать наличие химической промышленности в данном регионе.

Светлый, вопреки названию, выглядел довольно угрюмо. Даже яркое весеннее солнце не приносило хотя бы относительного благолепия. Скорее оно обличало бездарность архитекторов, некомпетентность строителей и бестолковость городских властей. Просторные, вычерченные по линейке улицы и высокие однотипные здания придавали облику города некую унылую схематичность, словно это был не настоящий город, а лишь его макет, выполненный из картона и пенопласта. Заблудиться здесь невозможно.

Жора ехал прямым, как стрела, проспектом Химиков. Движение, хоть и не такое напряженное, как в Москве, оказалось достаточно интенсивным. Жора только головой успевал вертеть. Однако он довольно быстро отыскал нужный дом, приземистый, как огромный коробок спичек. На вывеске значилось: «Краеведческий музей».

Жора взглянул на часы. Время приближалось к шести вечера. В желудке внезапно засосало. Нужно было подумать об ужине. Однако он решил довести дело до конца.

Парадная дверь музея оказалась запертой. Исследователь обошел здание с торца и увидел еще один вход, как видно, служебный. Толкнул дверь. Открыто. Впереди имелся небольшой коридор с двумя парами дверей по обеим сторонам. Все они оказались заперты. Но ведь в здании определено кто-то есть, иначе входная дверь была бы на замке!

Жора завернул за угол и оказался непосредственно в экспозиционном зале. Здесь царил полумрак, и никого из живых не наблюдалось. По сторонам стояли чучела животных, а над головой застыли в последнем движении многочисленные птицы. Прямо перед ним замер огромный волк. Он смотрел на Жору стеклянным взглядом, ощерив клыкастую пасть. В сумраке зверь выглядел уж слишком живым. Жора невольно отступил на шаг, но тут же опомнился. Перед ним, словно грибы после дождя, выросло всевозможное зверье. Вот косуля, лось, барсук, заяц... Все они не спускали внимательных глаз с нежданного посетителя. Казалось, еще секунда, и они оживут, затрясут мордами, забьют копытами, стряхнут пыль с крыльев. У Жоры возникло странное чувство, что лесные звери собрались здесь на некую тайную сходку и только притворяются чучелами. Он усмехнулся собственным фантазиям и двинул дальше.

Следующий зал, куда попал наш герой, иллюстрировал отрасли промышленности, имеющиеся в Светлом. Здесь имелся макет установки крекингования в разрезе, а также небольшая диорама медеплавильного цеха с электропечами и маленькими фигурками рабочих, суетящихся возле них. Все это Жоре было совсем неинтересно.

– Эй?! – крикнул он во все горло. – Есть тут кто живой?!

– Есть, – раздалось в ответ откуда-то из музейных глубин. – Идите сюда.

Жора направился в сторону зова и скоро увидел плотного, белобрысого молодца, стоявшего перед манекеном, облаченным в доспехи древнерусского воина, и прилаживающего к его плечу какую-то цацку.

– Привет, – поздоровался он. – Я тот, кто вам звонил пару часов назад. Зовусь Георгием Лесковым. Можно просто Жора.

– Сергей, – представился белобрысый. – Вот, довожу до ума. – Он кивнул на воина. – Ребята из механического цеха сработали доспехи: кольчугу, шлем... – Он запнулся, словно припоминая, что еще изготовили ребята. – Меч также... А щит вот я сам сделал.

– А одежда откуда? – в тон новому знакомому спросил Жора. – Рубаха, штаны, сапоги?..

– Рубаху со штанами школьницы сшили на уроках труда, а сапоги я на базаре купил. Хромовые. Видать, какому-то офицеру раньше принадлежали. Не нравятся мне они. Не соответствуют облику витязя.

– Это точно, – со знанием дела подтвердил Жора. – Больно блестят. Я, кстати, немного разбираюсь в русском Средневековье.

– Неужели?!

– И смею вас уверить: обуви подобной формы в ту пору еще не существовало. Согласно данным раскопок, древние русы носили нечто вроде кожаных обмоток, перевязанных кожаными же ремешками, а на ногах мягкие, выражаясь современным языком, полуботинки из лосяной шкуры, на шиколотках опять же привязанные к ноге кожаными ремешками.

– Ага. Узнаю профессионала! – усмехнулся директор музея. – Спасибо за подсказку. – Он критически взглянул на сапоги. – Придется, видно, искать сапожника-частника и заказывать ему новую обувку. Выльется, естественно, в копейчку. Ну да ладно. Как-нибудь выкрутимся. Так что вас привело в Светлый?

– Да как вам сказать... – Жора замялся. Выложить правду? Нет, не стоит. Человек ему совершенно незнаком. Хотя на вид он парень бесхитростный, однако первое впечатление может быть обманчиво. Надо начать с чего-нибудь нейтрального: вот как, например, сейчас. Кстати, неплохо бы перекусить.

– Я бы поужинал, – неожиданно заявил он. – С утра маковой росинки во рту не было. В желудке кошки скребут. А пустое брюхо к пространной беседе не располагает. Может, составите компанию? Или вас жена дома ждет?

– Да я не женат. А насчет подкрепиться не против. Сам только обедал.

– Тогда давайте ведите в какое-нибудь значное место. Желательно в ресторан или приличное кафе.

Директор музея задумался.

– В ресторан? – неуверенно переспросил он. – Настоящих ресторанов в городе всего два. Оба заведения чрезвычайно дорогие.

– Я угощаю, – несколько развязно произнес Жора и, заметив, как поджал губы новый знакомый, тут же спохватился. К чему изображать из себя купчика? – Извините, если прозвучало несколько бестактно, но я сейчас не стеснен в средствах. Командировочные, то да се...

– Может быть, не стоит в ресторан, – словно не обращая внимания на некоторое смущение Жоры, произнес Сергей. – Есть одна шашлычная. Там очень неплохие шашлыки готовят, и цены умеренные. Только далековато. Полчаса ходу.

– Я на машине, – сообщил Жора.

– Очень хорошо. Тогда вперед.

Когда директор музея усаживался в джип, Жора краем глаза заметил, что его губы вновь сложились в смущенно-неодобрительную гримасу, видно, он чувствовал себя несколько не в своей тарелке. Когда, следуя указаниям Сергея, Жора подъехал к шашлычной, тот выскочил первым и почти бегом бросился к дверям заведения. Вначале он заглянул внутрь, потом обернулся к своему гостю:

– Столики свободные есть.

– Отлично.

В заведении, насколько понял Жора, заправляли вездесущие азербайджанцы, а посему сохранялась надежда, что конечный продукт будет более или менее съедобен.

Уселись за столик, застланный грязной скатертью. Подошла разбитного вида молоденькая официантка. Стреляя глазками, она приняла заказ. Кроме кебабов, Жора потребовал пива.

Директор музея не возражал.

– К нам очень редко заглядывают гости из Москвы, – сказал он, отщипывая кусочки от пресной лепешки. – На моей памяти вы – первый. – В словах Сергея прозвучал скрытый вопрос: «Какого черта, парень, ты приперся в нашу глухомань?»

– Приехал я по заданию руководства, – неожиданно для себя сообщил Жора. – Дело в том, что разрабатывается новая программа, под условным названием «Заповедные уголки России». Прослышали, будто есть такой город Светлый, построенный на месте древней деревушки Лиходеевки. Вот сия Лиходеевка нас и интересует. По непроверенным сведениям, место весьма интересное.

– Да уж... – неопределенно вымолвил Сергей.

– Короче, жду от вас конкретной информации.

– На предмет?

– Ну как же! Если в здешних местах есть что-либо достойное внимания, летом сюда может приехать археологическая экспедиция.

– Неужели нет более достойных мест?

– Каких же, например?

– Да известных. Новгород, к примеру. Или Старая Рязань.

– В том-то и дело, что мы ищем совсем новые, не разведанные доселе места.

– Да и в самой Москве работы – непочатый край, – гнул свое директор музея. – Я вон по телевизору видел: на месте сгоревшего Манежа сделаны такие находки, что нам и не снились.

– Для этого меня сюда и послали. Провести предварительные исследования, так сказать, сделать вывод навскидку, потолковать со знающими людьми и написать резюме: стоит ли работать в данном районе.

Сергей молчал, задумчиво дожевывая свою лепешку. В это время официантка принесла кебабы, соус, зелень и пиво. Жора не стал ждать ответа, а накинулся на еду. Он и вправду был зверски голоден. Директор прикончил лепешку и взялся за кебаб. Ел он словно через «не хочу», к пиву даже не притронулся. Чувствовалось: речи Жоры его несколько обескуражили. А наш герой между тем мигом умял кебаб, который оказался вовсе не плох, и заказал себе второй.

– Эй, братаны?! – неожиданно услышал он за спиной грубый голос. – Чей джип там завис?

Жора обернулся. Чуть поодаль стоял здоровенный бритоголовый парень с поразительными чертами лица. Казалось, на футбольный мяч прилепили две прокисшие виноградины, половинку пирожка и вшили «молнию» от гульфика. За ним громоздились еще трое бритоголовых.

– Ну, мой, – отвечивал Жора.

– Иди, братан, убери, а то дорогу нам загородил. – Просьбой тут и не пахло. Слова звучали как приказ.

Жора нехотя поднялся. Он взглянул в прокисшие виноградины и прочел в них холодную угрозу. Затевать скандал не хотелось, поэтому наш герой вышел на улицу и увидел рядом с джипом замызганную «BMW». Места возле шашлычной было, конечно же, хоть отбавляй, но Жора переставил джип на край стоянки. В дверях он вновь столкнулся с бритоголовыми. Те бесцеремонно пихнули его плечами, а «футбольный мяч» лениво процедил:

– Слышь, братан, ты откуда такой взялся?

– Из Москвы, а что?

– Да ничего, в натуре. Свободен... пока. – Бритоголовые захохотали ржавыми голосами и вернулись в шашлычную. Их машина так и осталась стоять на своем месте.

Жора вновь сел за столик и принялся доедать второй кебаб. Директор молчал.

– Кто такие? – вытирая губы, спросил Жора.

– Местные «братки», – сквозь зубы пробормотал Сергей. – Довольно опасны.

– Да и хрен с ними, – громко произнес Жора.

– Вы где ночевать собираетесь? – спросил Сергей.

– Еще не знаю. В гостинице, видимо.

– Поедьте ко мне. Живу один. Места много. Чего вам на гостиницу тратить?

Жора подумал:

– Отчего же, можно. Только заедем в универсам. – Он подозвал официантку, достал из кармана бумажник.

– Извините, за себя я привык платить сам, – твердо произнес директор.

– Ради бога, – Жора пожал плечами. – Но к чему такая щепетильность? Расходы-то копеечные.

Однако Сергей настоял на своем.

Они вышли из заведения, сели в джип. У ближайшего универсама Жора остановился. Директор музея порывался идти с ним, но наш герой оставил его сторожить машину, а сам прошел в магазин, набрал продуктов, прихватил две бутылки хорошей водки и, нагруженный пакетами, открыл заднюю дверь джипа. Сложив пакеты, он вновь сел за руль.

Между тем уже стемнело. На улицах зажглись фонари, и, странное дело, в желтоватом свете ртутных ламп город словно ожил. Куда-то исчезло ощущение убогости, серые тени пропали. Их заменили оранжевые, лиловые и угольно-черные.

Жоре чудилось, что он на улицах родной Москвы.

Между тем директор указывал дорогу, и вскорости они прибыли к подъезду типовой девятиэтажки.

– Охраняемая стоянка за углом дома, – сообщил Сергей, помогая выгружать продукты.

Оба молодых человека сначала поднялись на шестой этаж и занесли пакеты, потом вновь спустились. Жора припарковал на стоянке джип, и они пошли назад.

Квартира, в которой проживал директор, выглядела весьма скромно, даже затрапезно. Небольшая комнатка обставлена по-спартански. Тахта, она же кровать, платяной шкаф, журнальный столик, телевизор. В двух навесных полках некоторое количество книг, в основном исторических трудов и пособий по музейному делу. На кухне, кроме допотопного холодильника «Саратов», только стол да пара табуретов. С первого взгляда Жоре стало заметно отсутствие женской руки. Беспорядка не наблюдалось. Напротив, царил идеальная чистота. Но чистота того типа, которую называют казарменной. Каждая вещь лежала на своем, отведенном именно ей месте.

«Н-да, «места много», – хмыкнул про себя Жора. – Лучше бы отправился в гостиницу».

– А где же я буду спать? – любопытствовал он.

– На тахте, – ответил хозяин.

– Как на тахте? А вы?

– Я на раскладушке. Сейчас схожу за ней к соседям.

Жора только плечами пожал. Он по натуре был человеком без комплексов, однако несколько смутился.

Раскладушка была принесена, установлена на кухне и тут же застелена.

– Водку-то будем пить? – грубовато спросил Жора. Он все больше жалел, что пришел сюда.

– Водку? – переспросил хозяин. – Отчего же нет? Если понемногу, то можно.

На журнальном столике разложили закуску, Жора разлил жидкость в простенькие стеклянные рюмки, удивляясь про себя, что хотя бы такие нашлись. Выпили по первой, за знакомство, потом сразу по второй, потому что «между первой и второй перерывчик небольшой». Хозяин очень быстро захмелел. Строгое лицо его разгладилось, светлые, слегка вытаращенные глаза подернулись влагой.

– Лиходеевка, – вдруг заговорил он громко и отчетливо, словно произносил речь с трибуны, – место весьма древнее. Весьма! Но раскопок здесь производить нельзя ни в коем случае!

– Это почему же? – изумился Жора.

– А потому, дорогой мой московский гость. Потому! Ввиду чрезвычайной опасности!

– В чем же заключается эта опасность?

– Дело в том, что городок наш Светлый целиком выстроен на огромном кладбище. Кладбище это существует с незапамятных, еще языческих, времен и является капищем Чернобога, славянского бога зла.

– Вы это серьезно?

– Давайте еще по рюмке употребим.

– Охотно. Но почему, скажите, здесь нельзя копать, даже если под городом старинное кладбище? Ведь это как раз то, что нужно.

– А потому, мой дорогой московский гость, что силы зла только и ждут, чтобы кто-то их выпустил на свободу.

Жора невольно усмехнулся:

– Зря смеетесь. Но вам простительно ввиду полного неведения. Уже копали некоторые... На свою голову! Нужно вам сказать: директорствую я в музее не так чтобы очень давно. До меня там трудилась одна дама, она сейчас в школе завуч. А вот до нее был некий Владимир Еремин. Он, в общем-то, музей и основал. Так вот он самостоятельно затеял раскопки... и пропал!

– Как «пропал»?

– А очень просто. Исчез – и все!

– И давно это случилось?

– Лет десять назад.

– Так уж и с концами?

– Уж поверьте. Кстати, он проживал именно в этой квартире, где мы сейчас находимся. Так вот, и вещи, и документы кое-какие так и остались здесь лежать. Правда, паспорт среди них не обнаружили.

– А милиция что?

– Да ничего! Тупа-то нет! А нет тела, значит, нет дела. Сказали: уехал, наверное, куда-нибудь. – Сергей вздохнул, налил себе водки и, не чокаясь, выпил.

– А сама Лиходеевка где конкретно находилась? – вновь начал расспросы Жора.

– Да тут, под боком. Метрах в двухстах от этого дома начиналась. Последние ее домишки сгорели аккуратно, когда Еремин пропал. В те самые дни. Теперь на этом месте пустырь. Одно время сквер хотели там разбить, да так и не сподобились.

– Насколько я слышал, неподалеку от деревни находилось старое кладбище?

– Да, было такое. Там местных помещиков хоронили. Но от него вовсе ничего не осталось. Схема где-то в музее валяется. Строители составили, когда впервые явились в эти места. А может, и не строители...

– А место его расположения нынче можно найти?

– Конечно. Это километрах в двух отсюда. На месте бывших захоронений жилые дома построены.

– А вот скажите, этот бывший директор, ну, который пропал, он где раскопки затеял?

– Да там же, на старом кладбище. Я же говорю: места эти гиблые.

– Когда город строили, ничего не находили?

– В основном кости откапывали.

– А вещи?

– Разное болтают. Я в ту пору тут не жил, но слышал, что вроде какой-то работяга крест золотой нашел. Но, по-моему, это выдумки.

– Почему вы так считаете?

– Ни фамилия этого человека никому точно не известна, ни креста никто из первооткрывателей своими глазами не видел. Я проверял. Так, болтовня.

– А вообще находили ли клады на территории города?

– Не припоминаю. Скорее всего, нет. Только кости, дорогой московский товарищ, только кости. Хочу выпить за упокой их душ! А потом перейдем на «ты».

Снова разлили. Сергей хлопнул свою рюмку и совсем ословел. Он понес разную оклеику об оживших мертвецах, по ночам встающих из своих могил и бродящих по округе, о призраках и подземельях, о колдунах и ведьмах, преспокойно обитающих в городских квартирах, но в урочный час собирающихся на свои черные шабашы. Речи его становились все более невнятные. Наконец он улегся на тахту и захрапел. Жора посидел еще немного, выпил сам с собой «на посошок» и пошел на кухню спать. Как ему казалось, голова его сохраняла ясность и способность трезво мыслить. Значит, кладов в Светлом никто не находил. Это обнадеживало. Но вот темный слух, что в ходе строительства найдено нечто, вносил некоторое сомнение. А вдруг все-таки монастырские сокровища обнаружены? Теперь как искать? Сергей сказал: существует план или карта старого кладбища. Нужно во что бы то ни стало добыть этот документ. Будем надеяться, директор предоставит его. А появится карта, можно планировать дальнейшие мероприятия.

Мысли Жоры смешались, и он уснул. И приснился нашему герою странный сон.

Он шел по ночному городу. Но не Светлому и не Москве, вообще не конкретному, а непонятно какому городу. Может быть, даже и не российскому. В одной руке у него был фонарь, а в другой – карта. Эта карта являлась одновременно тем манускриптом, из которого он узнал о кладе, и картой аэрофотосъемки города Светлого. Кроме того, на ней был изображен старинный готический собор, скорее всего, Нотр-Дам де Пари, внутри которого имелся крестик с надписью на французском языке: «Ищи здесь». Улицы города, по которому продвигался Жора, были совершенно безлюдны, и только бродячие собаки испуганно жались к стенам, однако неотступно следовали за ним. Жора пытался подманить их свистом, потому что знал: собаки эти скорее приведут его к закопанному кладу, однако пугливые животные на призывы реагировали скорее отрицательно, поскольку прятались в подворотнях, но стоило Жоре прекратить свист, как они вновь бежали следом.

Он шел по самой главной улице. Освещена была только ее середина, а по краям царил беспросветный мрак. В нем огненными точками сверкали глаза собак. Свет, падающий сверху, имел гнилостный, горчичный оттенок и клубился, словно ядовитый пар. Жора шагал, как ему казалось, в нужном направлении, однако несколько опасался заблудиться. Тут он увидел указатель «К собору» и понял, что идет верным путем.

Вскоре показался и сам собор. Он высился, как огромная рыба-кость, вся ошетилившаяся колючими отростками. В то же время собор на сто процентов был обычным жилым двенадцатипятиэтажным домом.

Жора остановился перед входом и толкнул огромную бронзовую дверь, украшенную фигурками молящихся святых и нагих грешниц. Но та, конечно же, не отворилась. Он в беспомощном недоумении оглянулся и увидел позади себя собак. Животные умильно виляли хвостами, словно ожидали, что их сейчас покормят. Собаки зачем-то были нужны, вот только зачем? И вдруг он понял! Собор вовсе никакой не собор, а просто собачья будка. Теперь

нужно выбрать из всей своры ее владельца. Все собаки выглядели совершенно одинаково – небольшие, белые, с черными пятнами по бокам и висячими ушами. Кажется, их называют спаниелями. Жора присмотрелся и увидел. Один спаниель казался вылитым директором краеведческого музея, и Жора понял – перед ним владелец конуры. «Открывай!» – приказал он директору-спаниелю. Тот запрыгал-заскакал у Жориных ног, делая вид, что не понимает. Жора схватил спаниеля-директора на руки, тот дружелюбно лизнул его в губы, а потом впился поцелуем в рот. И тут Жора обнаружил новую метаморфозу. Целовался он вовсе не со спаниелем-директором, а с Бланкой! Однако это его вовсе не удивило. Он ждал появления девушки и вот дождался. «Ну, пойдём, дорогой», – ласково сказала Бланка и толкнула роскошную дверь. Та тотчас открылась, и они оказались в громадном, наполненном ослепительным светом помещении. Свет оказался настолько ярким, что было невозможно различить окружающую обстановку. Жора невольно зажмурился, но Бланка взяла его за руку и, словно поводырь слепого, повела за собой. Жора чувствовал, что поднимается по каким-то лестницам, потом идет по гулкому коридору. «Здесь», – бесстрастно произнесла девушка. Жора открыл глаза. Он находился на кухне квартиры директора музея. Посредине стояла раскладушка. Бланка начала неспешно раздеваться. Она была довольно худощава, но груди имела достаточно развитые, и у Жоры тут же возникло желание. Девушка между тем полностью разделась, затем сняла с газовой плиты кипящий чайник и помахала носиком перед Жориным лицом. Получив указание, пусть даже и в несколько странной форме, он тут же скинул с себя одежду и обнял девушку. Они улеглись на раскладушку, на которой оказалось достаточно просторно, и Жора попытался овладеть ею, однако не тут-то было. Он никак не мог попасть. Между тем раскладушка трансформировалась в лифт, который медленно спускался куда-то вниз. Они оба вновь были одеты, однако в довольно странные костюмы. Девушка облачена в балетную пачку розового цвета, а на нем самом, насколько можно разглядеть в мутное зеркало лифта, костюм оперного дьявола – красное трико, обтягивающая куртка того же цвета и шапочка, наподобие плавательной, увенчанная маленькими рожками. Лифт со скрежетом остановился, двери распахнулись, и они оказались в подzemелье, с факелами, горевшими на стенах, ну совсем как в компьютерной игре. Бланка вновь взяла его за руку и потащила вперед с упорством муравья. Из стенных ниш то и дело выскакивали жуткие монстры, но бластер в руке девушки разил их без пощады.

Наконец они вбежали в круглую комнату, вернее, склеп, от пола до потолка уставленный черными гробами. Здесь тоже горели факелы, но не так ярко, как в коридоре, было душно, и пахло фекалиями. «Клад здесь», – безжизненным голосом произнесла Бланка. И тут же на одной из стен склепа зажглась зеленая стрелка, указывающая вниз. В руках у Жоры неожиданно очутилась кирка, и он принялся яростно взламывать пол склепа. Но чем больше он старался, тем сильнее пахло фекалиями. Яма уже была довольно велика, когда внизу возникло неяркое свечение.

«Вон он! – воскликнула девушка. – Давай копай живее!» Жора, несмотря на отвратный запах, шедший из ямы, удвоил усилия. Сияние становилось все сильнее, и наконец можно было различить груды драгоценностей. Он протянул к ним руку. Нестерпимо сверкающее бриллиантовое кольцо почти касалось пальцев, но тут за спиной послышался грохот. Жора обернулся. Гробы рушились, и из них вылезали ожившие мертвецы. Девушка куда-то исчезла, а мертвецы медленно приближались, выставив перед собой костяные конечности, словно крабы свои клешни. Вид у нежити был просто отвратителен: остатки гнилой плоти свисали с костей, гнилые рубища шлейфами тащились за ними. Когда первые мертвецы приблизились почти вплотную, Жора стал отмахиваться киркой, но они окружили его, вцепились и столкнули в вырытую им самим яму.

Вонь тут оказалась вовсе нестерпимой, и Жора проснулся.

Некоторое время он лежал, не понимая, где находится. Потом вспомнил. Приснится же!..

Запах в кухне был действительно весьма тяжелый. Видимо, вечернее возлияние нарушило бытовой график холостяка, и он не успел вынести мусор. Жора поднялся, включил свет и огляделся. Так и есть. «Благоухает» стоящее почти под носом мусорное ведро. Жора взял ведро, открыл входную дверь и выставил его на лестничную клетку. Потом распахнул окно и проветрил кухню. После чего напился прямо из крана сырой воды, сильно отдававшей хлоркой, потушил свет, снова улегся и тут же уснул. Больше в ту ночь странных снов ему не снилось.

Разбудила Жору какая-то возня. Он открыл глаза... Всклопоченный хозяин квартиры слонялся по кухне, обхватив голову руками. В окно било яркое весеннее солнце.

– Доброе утро.

– Вы... э-э... ты чего? – спросил Жора, вдруг вспомнив последние слова директора об упрощенном общении, перед тем как он вырубился.

– Ничего понять не могу. Тут стояло ведро. Теперь оно исчезло.

– Я ночью выставил его в коридор. Уж больно сильно воняло.

– Ах, извини. Как-то позабыл вынести...

– Ничего страшного. Давай завтракать.

– Голова несколько того... побаливает. С перепою, должно...

– Мы разве много выпили? По-моему, даже бутылку не допили.

– Может, по-вашему, это ерунда, а на меня подействовало одуряюще.

– Тогда нужно похмелиться. Сразу легче станет. Водка ведь осталась...

– Нет-нет! – всплеснул руками Сергей, и лицо его скривилось в гримасе омерзения. –

Меня тут же вырвет.

– Тогда поможет крепкий чай.

– Разве что...

Тем не менее новые знакомые позавтракали. Жора вообще не испытывал особого дискомфорта, а Сергей, выпив чаю, почувствовал себя значительно лучше и даже съел пару бутербродов. Потом заговорили о деле.

– Ты мне вчера обещал показать схему – план старого кладбища, – гнул свое Жора.

– Разве? – удивился Сергей. – Ну, раз обещал...

– Тогда в музей?

– Ну, что ж...

Директор вел себя сегодня менее доброжелательно, чем накануне. Вчерашнее почтительное дружелюбие как будто покинуло его. Было ли это следствием похмелья, или оно лишь усугубило некие невысказанные опасения или догадки, но Жора почувствовал: Сергей перестал относиться к нему с давешним почтением, а, напротив, тяготился его обществом и желал поскорее отделаться от нового знакомого. И только правила приличия мешали высказаться напрямую. Возможно, Сергея насторожили слишком навязчивые расспросы касательно кладбища, а может, не понравилось несколько бесцеремонное поведение Жоры. Но, как бы там ни было, дело нужно довести до конца.

Они вышли на улицу и сели в джип. Вчерашнего солнца и тепла не наблюдалось. На дворе было прохладно и пасмурно. Накрапывал холодный дождик. Низкие тучи, казалось, касались крыш девятиэтажек.

В музее было тихо и пусто. Вначале Жора несколько удивился отсутствию сотрудников, потом вспомнил, что сегодня суббота. Однако директор ни словом не обмолвился, что тратит на Жору выходной день. Он довольно быстро нашел план старого кладбища, размножил его на ксероксе и вручил копию нашему герою. Жора мельком взглянул на план. То, что он искал, а именно часовню, на плане как будто имелось. Во всяком случае, в южном его углу был нарисован квадратик с крестиком, а рядом – краткий комментарий, написанный от руки: «Склеп рода Кокуевых».

– То, что нужно? – без особого интереса спросил Сергей.

– Кажется. А нельзя ли посмотреть, что сегодня представляет собой это место?

– Отчего же, можно. Поехали.

Дорогой они не обмолвились ни словом. Вернее, лишь Сергей указывал направление движения. Минут через десять приехали на огромный, как футбольное поле, двор, ограниченный со всех сторон рядами многоэтажек. На дворе имела детская площадка: железная карусель, песочницы, пара качелей, горка, бревенчатые теремки и резные столбики, увенчанные грубыми, рублеными лицами, изображавшими не то индейские тотемы, не то славянских божков. На площадке, да и во всем дворе не видно ни души.

– Вот здесь оно и располагалось, – сообщил директор музея, имея в виду кладбище. – Частично застроено домами, частично под асфальтом и газонами двора.

– А ты сможешь сопоставить план и современное состояние площадки? – напрямую спросил Жора.

– Давай попробуем.

Сергей взял в руки план, потом осмотрелся.

– Что тебя конкретно интересует? – спросил он.

– Склеп Кокуевых.

– Я так и думал. Так, склеп... – Директор достал из кармана пиджака простенький компас и заходил по двору, меря шагами расстояние и то и дело сверяясь с планом. Жора с интересом наблюдал за его манипуляциями.

– Иди сюда! – крикнул Сергей. Жора поспешно подошел.

– Где-то вот здесь, – директор очертил рукой воображаемый круг.

На том месте, где, по предположению директора, находилась часовня, стояли скамейка и деревянный столик, около которого во множестве валялись окурки, пустые банки из-под пива и стеклянные бутылки. – Прямо под нами кладбище. Если копнуть метра на два-три в глубину, то наткнешься на кости и трухлявое дерево. При ежегодных подземных сантехнических работах, при замене труб и тому подобном так и происходит. То экскаватор выроет из земли древний гроб – колоду с замшелым скелетом, то ребятишки, роясь в отвале, отыщут древний пятак.

– Твой предыдущий коллега, который, как ты упоминал, бесследно пропал, он тоже тут рылся?

– Нет. Как рассказывали, он зачастил в эту несчастную Лиходеевку. Она тогда еще существовала. Вот там и сгинул.

– А с самой-то деревушкой что случилось?

– Запылала в одночасье. Как раз когда этот Еремин исчез. Он, видать, там и сгорел. Но даже костей не сыскали.

– Чего же он туда ходил?

Сергей пожал плечами:

– Кто знает. Он был человеком очень увлекающимся. Все хотел отыскать нечто экстраординарное. Может, и нащупал некую ниточку. Все может быть.

– И его убили?

– Да что ты! – Сергей засмеялся. – Кому надо?!

– А вдруг на клад наткнулся? – не сдавался Жора.

– Дался тебе этот клад. Нет тут никакого клада. Если бы был, его бы давно обнаружили. Когда строили, все кладбище перекопали.

– Но ты же сам говорил: будто некий строитель отыскал золотой крест.

– Легенды... Доказательств нет. – Директор прищурился и исподлобья взглянул на Жору и усмехнулся. – Так ты клад сюда приехал искать?

– Да нет. С чего ты взял! – стал неуклюже отпираться наш герой. Глаза его предательски забегали.

– Пустое дело, – с легким пренебрежением заметил Сергей, – бессмысленное...

Жору эти слова задели за живое. Он вовсе не хотел выдавать своих планов, однако была затронута профессиональная честь.

– Почему ты так считаешь? – поинтересовался он.

– Здесь сокровищ нет! – твердо произнес директор. – Может, что другое имеется, только не золото.

– Например?

– Да мало ли... – уклончиво произнес Сергей. И пока Жора собирался уточнить, что же имеет в виду директор, тот спросил: – У тебя и карта имеется?

– Какая карта? – опешил Жора.

– Ну как же... Карта Острова сокровищ. В данном случае – карта лихоевских сокровищ. Древний пергамент, на котором начертаны неразборчивые письмена.

– Угадал, – решив перевести все в шутку, дурашливо ответил Жора. – И пергамент есть, и письмена на нем...

– А я почти сразу понял, за чем ты приехал, – вполне серьезно сообщил директор. – Какой такой музей в наше время заинтересует глухую провинцию. Абсурд! Значит, думаю, меня водят за нос.

– Так ты не веришь, что я сотрудник Исторического музея. Вот документ, – Жора сунул под нос Сергею свое удостоверение, – вот моя визитка. Но директор не обратил на них никакого внимания.

– В том, что ты историк, я не сомневаюсь, – несколько иронически отвечал он. – В том, что работаешь в музее, почти не сомневаюсь. Но вот в то, что музей направил тебя сюда подыскать место для будущих раскопок, извини, не верю! Приехал ты сюда по собственной инициативе, ведь так?

– У меня и командировочное удостоверение имеется.

Директор иронически засмеялся. Попытки вывернуться из скользкой ситуации делались все неуклюжей. Положение, в которое попал наш герой, становилось смешным. Но Жора был парень неглупый. Раз его поймали, полностью отрицать свои намерения нелепо. Придется рассказать правду, конечно, несколько интерпретированную.

– Ты отчасти прав, – осторожно сказал он. – Пергамент действительно имеется...

– Ну, вот видишь... – тон Сергея стал и вовсе насмешливым.

– Я и не отрицаю. К нам поступил один древний документ... И руководство нашего музея поручило мне разобраться.

– Речь идет о кладе?

– Вроде того.

Директор пожал плечами:

– Допускаю, на этот раз ты не врешь. Клад, конечно же, находится в склепе Кокуевых?

Жора ничего не сказал. Но молчание его было столь красноречиво, что ясно и без слов.

– И все равно не верю. Нет там сокровищ!

– А если все-таки есть?

Вновь пожатие плечами и красноречивое молчание.

– Ладно, поехали, – сказал Жора. – Диспозиция более или менее ясна. Тебя куда доставить? В музей или домой?

– Домой, пожалуй. Завалюсь спать, а то голова гудит.

– И правильно. А я двину в Москву. Возможно, скоро увидимся. В случае чего звоните, пишите... Домашний и рабочий телефон, и e-mail есть на визитке. До скорого свидания.

– Смею надеяться на новую встречу, однако клад все же искать не советую. Бессмысленное занятие. Да и довольно хлопотное.

Когда Жора выехал из Светлого на трассу, холодный дождь превратился в мокрый снег, который быстро перешел в настоящий буран. «Дворники» едва справлялись с налипающей на стекло слякотью. И все же Жора чувствовал себя вполне уютно. Шоссе было практически пусто. Рядом с ним стоял термос с кофе и лежало несколько еще теплых чебурек. Притор-мозив, он съехал на обочину, налил в кружку дымящегося напитка, взял чебурек и стал меланхолично жевать его.

Итак, подведем итоги. Поездка оказалась, в общем-то, интересной, хотя особого результата не принесла. И Лиходеевка, и кладбище, бесспорно, когда-то существовали, но теперь стерты с лица земли. Существует ли клад? Директор музея в этом сомневается. Но если даже и существует, до него очень непросто добраться. Хотя место, где нужно копать, известно, но обозначил его директор весьма символически. Как же искать сокровища на территории площадью в несколько гектаров, причем посреди города, да еще под слоем асфальта? Нужно разрешение. Получить его, надо думать, можно, но, помимо многочисленных вопросов «зачем, да почему?», придется давать взятки чиновникам, ведающим городским коммунальным хозяйством, и прочим обиралам. Придется вскрывать асфальт, на протяжении многих дней рыться в древнем глени, а из окон соседних домов на тебя будут уставлены тысячи глаз. Поползут слухи, зачастую нелепые. Раскопки привлекут внимание местного криминала, к примеру, тех бритоголовых ребятишек на «BMW», которые так нагло вели себя в шашлычной. Словом, проблем будет выше крыши. И при этом полной уверенности в нахождении чего-либо стоящего нет.

Жора выплеснул остатки кофе в окно, бросил туда же огрызок от чебурека, сел за руль и двинул дальше.

А если все-таки они существуют, что тогда? Сколько это примерно стоит? Он вспомнил перечень вещей, содержащихся в кладе. Серебро, червонцы, скорее всего, петровские, поскольку до Петра золотые монеты в России практически не чеканили. Помимо стоимости металла, имеется еще и стоимость коллекционная, а она далеко не мала. Цена петровского червонца, насколько он помнил, колеблется от двух с половиной до шести-восьми тысяч долларов. Конечно, если продавать оптом, выйдет намного дешевле, но все же деньги получаются немалые. А там имеются еще копейки – чешуйки и серебро новой чеканки. Тоже стоят прилично. Потом драгоценности... Какие конкретно, не ясно, но все равно драгоценности. Целый бидон! Даже по самым скромным подсчетам, общая стоимость клада подбирается к миллиону «зеленых».

«Делиться нужно», – вспомнил он древнюю воровскую заповедь. Овчинка, конечно, стоит выделки, если бы наверняка знать, что клад в самом деле лежит – дожидается того, кто его откопает. А ведь придется платить еще до того, как его отыщешь. И девчонка... Бланка. Средств на поиски у нее, конечно же, нет. Зато есть желание разбогатеть. Она даже не представляет, насколько трудоемкое дело просто выйти на цель. Нет, тут нужны серьезные компании. Если привлечь директора музея, этого Сергея?

Сказать по чести, на Жору он произвел двойственное впечатление. Парень вроде неплохой, но словно не от мира сего. И, несомненно, с гонором. Деньги его, похоже, не интересуют. А ведь именно Сергей – тот, кто реально может помочь с поисками. И разрешение на проведение раскопок ему дадут очень даже запросто. Правда, он считает, что никакого клада не существует, однако можно показать ему рукопись... А не убедит рукопись, увлечь самым фактом. Ведь раскопки – столь увлекательная вещь. Сам же говорил: «Кладбище очень старое, восходит к капищу языческого Чернобога». А ведь это идея! Потолковать с руководством музея, обрисовать ситуацию, составить план мероприятий... О кладе, конечно, ни слова. Зато подчеркнуть древность места, его первозданность, уникальность. Но для этого нужно раздобыть побольше сведений про эту самую Лиходеевку. Поработать в архивах, потолковать со специалистами... Да и сам Сергей, возможно, располагает какими-то сведениями. Он же намекнул: имеется, мол, здесь кое-что, хотя и не золото. А девчонку с ее рукописью можно просто отфутболить.

Глава 4

Бланка явилась в музей, как только Жора ей позвонил. Она даже запыхалась, словно бежала всю дорогу. На этот раз девушка по случаю теплой погоды была одета в джинсовый костюм и черную водолазку. Милитаристские она сменила на кроссовки, а на голову повязала пеструю бандану.

– Ну? – с ходу спросила она.

Жора сидел в своем кресле с каменным выражением лица. Он решил на этот раз изобразить себя крутым, невозмутимым и безжалостным. Этаким Чарльзом Бронсоном с легкой примесью Брэда Питта.

– Что «ну»? – спросил он бесстрастно.

– Нашли?!

– Не понял? Что я должен был найти?

– Да клад же!

Жора презрительно хмыкнул:

– По-твоему, это так просто.

– Ну, я не знаю... Ведь в рукописи все написано. И место...

– Лиходеевка?

– Ну да.

– А ты хоть знаешь, где она находится?

– Нет.

– И ведь наверняка пыталась выяснить.

Девушка замялась:

– Честно говоря, пыталась.

– Насколько я понимаю, безрезультатно?

– Типа того.

Жора сделал кислую мину:

– Вот и я пытался.

– И что?! – Глаза ее просто сверкали от любопытства.

– Как тебе сказать...

– Ну, пожалуйста!

– Хочу тебя огорчить, деревни с таким названием на карте России не существует.

– Но ведь раньше она была?! Ведь в тетрадке написано, что они туда ездили.

– Раньше, может, и была, а теперь нет.

– Как же так?!

Тут Жора решил проявить милосердие.

– Да ты успокойся. Нашел я ее, – снисходительно сообщил он. – И даже побывал на месте.

– Неужели?! И что там? Все, как написано в тетради?

– К сожалению, нет. От кладбища и следа не осталось, и от самой деревушки тоже. Город на ее месте построен.

– Какой город?! – Глаза у Бланки стали круглыми, как два полтинника.

– Обыкновенный город. Социалистический.

– А как он называется?

– Погоди с названием. Послушай дальше. Потолковал я со знающими людьми, они очень сомневаются, что клад вообще существует. Но если он и есть, то до него не добраться. Там город. Понимаешь, город! С улицами, домами и детскими площадками...

«Стоп! – остановил сам себя Жора. – Ни про какие привязки к местности упоминать пока не стоит».

– И как же теперь? – Лицо у девчонки вмиг стало несчастным. Непроизвольным жестом она сняла очки и принялась нервно вертеть их в руках.

– Да никак! – Жора внутренне возликовал. Он добился именно того эффекта, на который и рассчитывал. Теперь нужно нагнать еще жути. И он продолжил вещать драматическим тоном: – Чтобы раскопать само место, а площадь там – несколько гектаров, нужна приличная бригада строителей с отбойными молотками, бульдозеры и экскаватор. Но даже это не главное. Необходимо получить разрешение на поиски. Если сообщить правду, то клад, если его, конечно, найдут, просто отберут.

– То есть как «отберут»?

– А очень просто! Разве что «спасибо» в награду скажут. Но это если найдут, а если нет – за обезображенный двор по головке не погладят. Тут судом и острогом пахнет.

– Как же быть?

– А никак. Оставить эту затею, и дело с концом.

– Нет, так дело не пойдет. – Зеленоватые глаза девушки вдруг стали злыми, как у рассерженной кошки. – Вы просто сами хотите выкопать сокровища. Делиться не желаете.

– Ты дура! Мы с тобой как договорились поделить клад? Фифти-фифти?

– Ну да.

– А расходы?

– Какие расходы?

– А такие. Я туда ездил. Считаю, тысячу с лишним километров прокатал в оба конца. Бензин нынче недешев. Машину гонял... Опять же амортизация. На еду, питье, угощение тратился. Потом здесь в Москве изыскания проводил... И какие еще траты предстоят! Сколько взяток дать придется.

– Каких еще взяток?

– Да кто же разрешит копать посреди города?! Значит, придется подмазать чиновников.

– А я думала, с помощью металлоискателя враз найти можно.

– С помощью металлоискателя!.. – презрительно засмеялся Жора. – Бери и ищи!

– Так сколько же вы хотите?

– Ничего. Я отказываюсь участвовать в этой аванюре.

– Ладно, я согласна на меньшую сумму. Сорок процентов меня устроят.

– Сорок процентов?! Я буду искать неизвестно что, а тебе сорок процентов?! За что?!

За красивые глазки? Ну уж дудки!

– Меньше не получится.

– Я же сказал: из дела выхожу.

– Хорошо, верните мне документы!

– Да ради бога. Вот рукопись, вот тетрадь... – Жора протянул Бланке папку с бумагами. – Все в целостности и сохранности, согласно расписке.

Девушка схватила папку, заглянула в нее, проверяя, все ли на месте, потом, презрительно усмехнувшись, взглянула на Жору:

– Ничего, других помощников отыщу. Желающих много.

– Это сколько угодно, – хмыкнул Жора, но Бланка уже выскочила за порог кабинета.

Итак, лишние выброшены с корабля за борт. Жора извлек сигарету и удовлетворенно закурил. Что теперь предпринять? Отступить или все же продолжить поиски? Еще интересно, как поведет себя девчонка дальше? Постарается найти новых компаньонов? Вполне возможно. Судя по всему, упрямства ей не занимать. Однако чем она располагает? Только бумагами, содержание которых ему известно. Кроме того, он снял с них копии. Бланка даже не знает, как называется город и где он находится. Впрочем, наверняка разберется. Дело нехитрое. А дальше все зависит от нее. Хватит характера, начнет искать, а на нет и суда нет.

Попробовать все же заинтересовать руководство музея? Но для этого нужна интригующая информация. За что можно зацепиться? Да хотя бы за слова Сергея о древнем капище Чернобога. Известных мест поклонения древнерусским богам – раз-два и обчелся. Все они раскопаны и изучены. Наиболее полно, конечно же, святилище возле Новгорода. Но то было посвящено Перуну, а достоверных известий о капищах Чернобога не существует. И вот открытие мирового уровня... Почет, слава, докторская диссертация как минимум, а то и звание членкора. Короче, триумф! А если в ходе раскопок отыщется клад, так и вовсе замечательно!

Лицо Жоры расплылось в непроизвольной, глуповатой улыбке предвкушаемого счастья, однако он тут же одернул себя. К чему предаваться беспочвенным мечтаниям. Для начала нужно хотя бы разобраться, что собой представляет эта Лиходеевка. Возможно ли, хотя бы в принципе, существование в тех местах языческого капища? Жили ли там славяне или обитали чужд и меря? Жора специализировался по позднему русскому Средневековью, а языческую эпоху представлял себе лишь в объеме университетских лекций, которые к тому же он посещал весьма нерегулярно. Из его знакомых историков в данном вопросе разбирались двое: доктор наук Константин Сергеевич Главацкий и отставной доцент, а ныне пенсионер Иван Петрович Трофимов. Трофимов, на взгляд Жоры, казался даже предпочтительнее, поскольку обладал феноменальной памятью и громадной эрудицией, к тому же был мужиком свойским, любил выпить, поговорить на разные отвлеченные темы, например о своих успехах на, как он выражался, «пажитях Эрота», или о рыбной ловле, по которой слыл великим докой. Главацкий, напротив, являлся типичным книжным червем и имел лишь одно хобби: коллекционировал древнерусские монеты, а именно чешуйки удельных княжеств периода феодальной раздробленности. Здесь Главацкому не было равных. Подкатиться к нему можно было очень просто. Стоило лишь принести несколько серебряных копеек и полушек, вроде как для идентификации.

Прошла пара недель после приезда Жоры из Светлого. Апрель кончился. Забушевал весенним, диким духом май. Свежая, ярко-зеленая листва радовала глаз. Стояла теплая, солнечная погода. На городских клумбах зацвели тюльпаны, крокусы и нарциссы. По случаю праздников народ, словно очнувшись от зимней спячки, резвился напропалую. Жора на время забыл о поисках сокровищ и тоже веселился. Музей был закрыт, и каникулярное время оказалось как нельзя кстати. Пару раз в составе теплой компании он выезжал за город на шашлыки, три денька провел на даче у родителей, где опять же имели место те же шашлыки. Наконец, устав от обжорства и пьянства, он, прихватив с собой металлоискатель, «вылез в поле», малость растрясти жирок. Местечко было присмотрено давно. Слева только что освободившаяся ото льда Москва-река, справа два пологих холма, похоже, древнее городище. Побродив по подсохшему пригорку часа три, он вернулся к стоявшему поодаль джипу и стал изучать находки, потихоньку очищая их от налипшей грязи и промывая в банке с водой. Ничего особенного: два серебряных полтинника, один – царствования Николая II, другой – советский, двадцать четвертого года, с кузнецом, полушка екатерининских времен, три копейки, тоже николаевские... Кроме монет, обнаружены также половинка медного нательного креста, медная же иконка с Николаем Угодником, из тех, что солдаты носили на шее вместе с крестом, три красноармейские пуговицы и обломок штыка от винтовки Мосина. Хлам, который не стоит и сотни рублей. Однако какое удовольствие он получил. Вокруг – ни души, жарко припекает солнышко, над головой заливаются жаворонки... В наушниках попискивает прерывистый сигнал, и вдруг тон звука повышается. Находка?! Так и есть. И не беда, что она копеечная. Важен сам факт!

Праздничные деньки миновали, пора было браться за подготовительную и исследовательскую работу. Итак, Главацкий и Трофимов... Наверное, сначала следует посетить Константина Сергеевича.

Профессор проживал в районе Таганской площади в монументальном доме сталинской постройки, неподалеку от знаменитого театра, а главное, от магазина «Нумизмат», места сбора москвичей и иногородних коллекционеров монет, в среде которых пользовался заслуженной известностью. Жора время от времени обращался к нему за консультациями. Насобирает под Рязанью или Ярославлем разномастной «чешуи» по полям и тащит к Главацкому. Что-то, случается, и продаст. Правда, за копейки, больше для поддержания добрых отношений. Днем он позвонил Константину Сергеевичу, договорился о встрече, потом прихватил из музейного фонда десятка четыре древнерусских монеток и вечером направился в гости.

Открыл сам Главацкий. Увидев Жору, он кривовато улыбнулся и почему-то потер руки. Этот непровольный жест Жора приметил давно. Свидетельствовал он, видимо, о некоем предвкушении. Так малый ребенок, увидев ярко раскрашенную коробку, непровольно сует в рот палец, воображая лакомство.

– Проходите, проходите, мой молодой друг, – приветливо сказал профессор. – Всегда рад вас видеть. Принесли чего-нибудь? – с детской нетерпеливостью спросил он еще в передней.

– Есть немножко, – сообщил Жора, вытащил из кармана полиэтиленовый пакетик и потряс им перед длинным, хрящеватым носом Главацкого.

– Маня, чаю! – крикнул профессор куда-то в глубь просторной квартиры и потащил Жору за собой.

Кабинет Главацкого выглядел именно так, как и представлял себе Жора логово ученого-педанта старого закала. Темные обои, темные книжные стеллажи с рядами темных книжных корешков. На одной из стен висела большая картина в поблескивающей тусклым золотом раме, но что на ней изображено, Жора никогда толком разобрать не мог. Не то перед ним красовался пейзаж Главного Кавказского хребта в тот момент, когда последний луч заходящего солнца освещает вершину Эльбруса, не то сцена допроса коммунистов, попавших в лапы к белым, не то копия творения польского мастера Яна Матейко, изображавшая королевского шута Станчика, пребывающего в глубокой задумчивости. На картине доминировали багрово-красные тона, слегка оттененные фиолетово-черными.

Вообще в комнате, хотя на улице еще не стемнело, царил глубокий мрак. Лишь монументальная настольная лампа с зеленым абажуром бросала узкий конус света на заваленный книгами и брошюрами письменный стол.

Степенно вошла профессорская жена. Поздоровалась, поставила на стол поднос с двумя стаканами темно-янтарного чая в серебряных подстаканниках, вазочкой с печеньем и так же степенно удалилась.

– Ну, показывайте! – потребовал профессор, устроился подле лампы и взял в руки увеличительное стекло. На зеленое сукно перед ним легла горстка крохотных, самая крупная не больше ногтя указательного пальца, монеток неправильной формы, называемых в нумизматическом народе чешуей. Главацкий, священнодействуя, разложил их рядами. Чувствовалось: возня с монетками доставляет ему огромное удовольствие.

– Так, приступим... – бормотал он себе под нос. – Ага... Михаил Федорович, еще Михаил Федорович, снова Михаил, только поздний, Иван Великий, еще Иван... опять Иван, дореформенный. А это что? Кажется, Второе ополчение. Петр, Петр...

– А скажите, Константин Сергеевич, – осторожно начал Жора, – какие славянские племена жили на территории... – он назвал область, в которой находился Светлый.

– Какой век вы подразумеваете, молодой человек? – не отрываясь от своего занятия, спросил Главацкий.

– Ну, скажем, десятый.

– Кривичи, вятичи... а кроме славян, балты обитали в тех местах. А, собственно, почему вас это интересует? Монеты оттуда?

– А вот, Константин Сергеевич, как вы считаете: могли там быть языческие капища?

Главацкий хмыкнул:

– Ну, разумеется. Там, где жили славяне, всюду имелись места поклонения богам. К сожалению, от них ничего не осталось, поскольку устроены они были довольно примитивно и представляли собой, как правило, круглую площадку, по окружности которой стояли вкопанные в землю деревянные идолы, а меж ними постоянно горели костры. Так, во всяком случае, выглядит новгородский раскоп, по сути, единственного достоверно известного святилища в Перыни, на основании которого проведена его реконструкция. Предположительно святилище в Перыни посвящено Перуну, хотя, возможно, на этом месте поклонялись и приносили жертвы и другим богам. Потом, когда на Руси победило христианство, святилище было уничтожено, идолы свергнуты, а сама площадка перекопана. Надо думать, подобным же образом поступили и в других местах.

– А вот Чернобог...

– Что «Чернобог»?

– Известны ли его капища?

– Увы, нет. Якобы имелось где-то под Черниговом. Но это только догадки. Арабский путешественник Масуди в своей книге упоминает о месте, где молились черному богу. Вообще-то Чернобог – олицетворение зла, и поклонялись ему в глухих местах, в чащобах, на старых курганах, погостах...

– И что же, существовали жрецы Чернобога?

– Очевидно. Возможно, не только жрецы, а и посвященные. Нечто вроде тайного общества. В «Славянской хронике» Гельмольда описан некий ритуал. По кругу пускают чашу с брагой и произносят заклинания от имени Белобога и Чернобога. Два этих бога всегда идут рука об руку, как и вообще добро и зло.

Главацкий настолько заинтересовался разговором, что даже прекратил разбирать монеты.

– В Велесовой книге как будто встречаются упоминания о Чернобоге, – заметил Жора.

– Только, пожалуйста, не цитируйте Велесову книгу, – молящим тоном произнес профессор. – Это – стопроцентная подделка, и ссылаться на нее – дурной тон.

Разговор на время прекратился. Жора обдумывал услышанное, а Главацкий продолжил копаться в монетах. Время от времени он издавал нечленораздельное восклицание или бросал несколько одному ему понятных фраз.

– Скажите, профессор, можете ли вы себе представить капище Чернобога на территории нынешней N-ской области?

– Почему бы и нет? – отозвался Главацкий. – Раз там жили славяне, да в придачу и балты... А где конкретно находилось, по-вашему, это капище?

– Была такая деревушка Лиходеевка...

– Лиходеевка? Странное название. Как будто указывает на некое преступление. Лиходей – значит, злодей. Разбойников иногда звали лиходеями.

– Вам раньше не приходилось слышать это название?

– Увы. Нужно вам сказать, молодой человек, что таких Лиходеевок на Святой Руси – пруд пруди. Чем глуше места, тем скорее там можно отыскать нечто темное, лохматое, заскорузлое. Особенно таких гнезд много на Севере. Там, видите ли, постоянно кто-нибудь скрывался. То язычники, то раскольники, то еще какие-то диссиденты.

Дальше продолжать разговор не имело смысла. Профессор еще с полчаса перебирал монеты, а Жора нехотя отхлебывал остывший чай и пытался разобраться, что же изображено на висящей напротив картине. Расстались они довольные друг другом. Главацкий хоть и не нашел ничего для себя нового, но получил удовольствие, а Жора, пускай и не прояснил ситуацию, однако понял, что находится на верном пути.

Следующим на очереди был Иван Петрович Трофимов.

Трофимов проживал на задворках мегаполиса, за Кольцевой дорогой, в небольшом, но ухоженном домике, представлявшем собой помесь дачи и жилого сельского дома. Домишко хоть был построен еще до революции и вид имел ветхий, однако казался таковым лишь на первый взгляд. Здесь было все, в чем нуждается цивилизованный человек, а именно: электричество, газ и теплый туалет. Пенсионер Трофимов вместе с женой обитал в доме круглый год. Еще в доме проживали две собаки: спаниель Граф, немолодой, но чрезвычайно глупый и навязчивый пес, и беспородный кобелек Маврик, небольшой, угольно-черный и полный достоинства. Стационарного телефона в доме не было, но у Трофимова имелся сотовый. Жора быстро договорился о встрече, по голосу хозяина почувствовав, что ему обрадовались, прихватил бутылку коньяка и торт и отправился в гости.

При доме имелся довольно большой участок, засаженный плодовыми деревьями, в основном яблонями. Теперь они начинали понемногу распускаться и были словно окутаны белым пухом. Чуть поодаль от дома, рядом со старой бочкой, наполненной водой, стоял массивный, но несколько рассохшийся дубовый стол, а перед ним пара плетеных кресел. В одном сидел хозяин и перебирал рыболовные снасти – пестрые, поблескивающие под лучами солнца блесны. Увидев Жору, он расцвел в улыбке, поднялся и протянул руку.

Трофимов, в отличие от Главацкого, вовсе не походил на ученого. Он был невысок, коренаст, физиономию имел самую простецкую и скорее напоминал старого работягу, ныне пребывающего на покое.

Жора поставил на стол коньяк и коробку с тортом. Тут же появилась хозяйка, дама на вид весьма интеллигентная, и без лишних разговоров принесла рюмки, закуску: колбасу, сыр, нарезанный лимон...

– Я за рулем, – сообщил Жора, – поэтому – только чай.

– Ну, как знаешь, – отозвался Трофимов, – а я, брат, охотно выпью рюмашку, другую. Давненько, знаешь ли, не употреблял. – Он наполнил и тут же проглотил свою рюмку. – На рыбалку, понимаешь, собрался. Тут в окрестностях имеется одно озерцо, даже скорее пруд... Вот туда и двину. На шуку! Хотя весенний жор уже, пожалуй, кончился, но попробовать все равно стоит. А ты с чем пожаловал?

– Консультация нужна, Иван Петрович.

– Ну-ну, выкладывай.

– Не слышали ли вы такое название – Лиходеевка?

– Лиходеевка? Это что же, речка, что ли?

– Да нет, не речка. Деревня так называлась.

– Ага. Деревня. А где она, позволь узнать, находится?

– Уже нигде. Застроили. А раньше располагалась в N-ской области. Маленькая такая деревушка...

– Так-так. И что там, в этой Лиходеевке?

– Да кладбище старое.

– Ага-ага. Кладбище... Лиходеевка. Погоди. Кладбище! Как будто нечто всплывает. Из глубин, так сказать, памяти. Лиходеевка... Нужно еще рюмаху проглотить. Эй, Манюня?! – позвал он жену. – Иди выпей со мной. За гостя нашего. Давай, Манюня, не кочевряжься. – Жена вовсе не протестовала. Она маленькими глотками выпила свой коньяк, потом вновь удалилась, но вскоре вернулась с кипящим чайником и тарелками, нарезала торт и придвинула синюю с золотом чашку к Жоре.

– Ты, Манюня, никогда не слышала про такую деревню – Лиходеевку? – спросил Трофимов.

Жена отрицательно покачала головой и принялась за торт.

– А я вот слышал, да вспомнить не могу, при каких обстоятельствах.

– Я и у профессора Главацкого побывал, – сообщил Жора. – Консультировался с ним.

– А, у Константина Сергеевича... Как поживает старик? Все «вшей» собирает? Это я так монетки эти древнерусские называю. Как Петр Великий. Он эту мелочь вошками величал, с большой, знаешь ли, неприязнью. Понимал, зараза, что государство начинается с денег. Какие у вас деньги, таков и вес в цивилизованном мире. При нем ведь начали полновесную монету чеканить... Да ты знаешь. Значит, профессор Главацкий пребывает в добром здравии. Ну и слава богу. Постой, постой... Профессор, профессор?.. Профессор – Лиходеевка – кладбище! Ага, вспомнил! Мучительная работа мозговых извилин увенчалась успехом. Каково! А все – коньяк! Расширяет, зараза, сосуды! Давай-ка я еще одну замахну. Под чаек-кипяток. Может, и ты, а, Жорик? Рюмашку всего, а?.. Ну ладно, как знаешь.

Так вот, – переведя дыхание и прожевав дольку лимона, начал Трофимов. – Был у меня эдак году в пятьдесят восьмом один знакомец. Некий Струмс. Профессор Струмс. Чем он конкретно занимался, не ведаю. Только знаю – чем-то секретным. Не космосом, не ракетами там всякими и даже не бактериями. Чем-то еще более хитрым. Думаю, парапсихологией или чем-то вроде того. Знаешь: телепатия, телекинез, разные там ноль-перемещения. И эти... их сейчас называют биороботами, или репликантами. А скорешились мы следующим образом. Он, как вот ты, пожаловал ко мне за консультацией. Про темные стороны языческих верований у славян. Ну, там Триглав, Марена, Чернобог...

– Да ну?! – не поверил Жора.

– Вот тебе и ну! Веселый такой дядька, улыбочивый... Кругленький, как бильярдный шар, и такой же твердый. Как-то обмолвился: на древнем погосте испокон веку существует вроде бы секта поклонников Чернобога. Или, проще говоря, Сатаны. Представляешь?! Страна уверенной поступью движется к коммунизму, на полях взрастает заморская диковина – кукуруза, спутники запускаем, а тут вдруг язычники, сатанисты, Чернобог... Впрочем, на Руси во все века сектантов хватало. А сейчас тем более. Однажды пригласил меня в некий институт. Заметь, с самым обыкновенным названием. Нечто вроде Институт биологической селекции или Институт селекционной биологии. Ну, неважно. Вот там я с ним по-настоящему и разговорился. Этот Струмс попросил меня подготовить пояснительную записку касаясь этих славянских божеств...

В этот момент шустрый спаниель с ходу вскочил на стол, схватил кусок колбасы и был таков.

– Вот гад! – закричал Трофимов. – Вот подлец! Манюня, лови его, сукина сына! Он эдакие выходки частенько устраивает. Маврик, хватай Графа!

Дворняжка с лаем бросилась за спаниелем, и сад тут же наполнился звонким лаем и визгом.

– Так вот, – как ни в чем не бывало продолжил Трофимов. – Я записку, конечно же, смастрячил, вручил этому Струмсу, потом осторожно так спрашиваю: а на кой, мол, вам эти сведения? Это, отвечает, государственная тайна. А сам смеется. Еще пару раз мы с ним встречались, и только в конце он объяснил мне, в чем, собственно, дело. Сейчас, говорит, проверяю одну весьма интересную для моей работы информацию о некой деревеньке Лиходеевке. Будто там существует некое кладбище, сохранившееся с незапамятных времен. Существенно то, что похороненные на этом кладбище люди как бы воскресают. То есть как?! – не поверил я. А так. По прошествии какого-то времени с ними происходят определенные биологические изменения. Тела их не то мумифицируются, не то превращаются в жировоск. Но не это главное. Они сохраняют способность передвигаться и даже некие начатки разума.

Я принял эти речи за розыгрыш. Мол, дуркует профессор. Но вполне серьезно говорю: «При чем тут Чернобог?» – «А при том, – отвечает, – что кладбище это весьма древнее, а при нем существуют некто вроде служителей, которые есть прямые потомки жрецов языческого Чернобога». Признаться, я не поверил. Чушь и еще раз чушь! Какие такие ожившие мертвецы? И при чем тут этот таинственный институт? Только позже, размышляя на этот счет, я понял:

возможно, в словах Струмса была доля правды. Институт этот, скорее всего, работал над проблемой создания биологических роботов. Типа солдат, которые неуязвимы для пуль.

Жора недоверчиво взирал на Трофимова. Уж не смеется ли тот над ним?

– Не веришь?! Напрасно. За что купил, за то и продаю. Конечно, выглядит все весьма фантастично, и поверить мудрено, но факт остается фактом. Имела место подобная история, и разговор тоже. Но послушай дальше. Как-то через полгода после последней встречи я решил навестить Струмса. Просто так, из любопытства. У меня его рассказ из головы не вылезал. Прихожу туда. «К кому?» – спрашивают. «К профессору Струмсу». – «Нет у нас такого». – «Как нет?» – «Нет, и все». – «Странно, – думаю. – Куда же он делся?» Вышел из проходной, а навстречу лаборант знакомый идет из лаборатории профессора. Как же его?.. Запомнил. Ну да ладно. Спрашиваю: где мол, Струмс? Он жметя, вроде хочет сказать, а не может. Потом кивнул головой в сторону: отойдем, мол. И шепчет: погиб профессор при проведении секретного эксперимента. И больше ни слова! Тут меня осенило! Уж не в Лиходеевке ли, спрашиваю? Лаборант замахал руками и бегом от меня.

Трофимов прекратил рассказ и потянулся за бутылкой.

– Не довольно ли тебе, старый? – осуждающе спросила Манюня. – А то сейчас начнешь рассказывать, как с водяным общался.

– А что, и это было, – вполне серьезно отвечивал Иван Петрович.

Жора почесал затылок, не зная, верить или не верить. Трофимов всегда славился своими розыгрышами.

– И дальше что? – осторожно спросил он.

– А ничего! – Трофимов вытер губы и налил себе чаю. – Остыл чаек-то, – сообщил он жене. – Давай, Манюня, подогрей.

И когда Манюня скрылась в доме, поспешно налил очередную рюмку, махом проглотил ее и, только она вновь появилась, тут же сделал невинные глаза.

– Уж больно меня история заинтересовала, – прикрывая рот ладошкой, сообщил он. – Ну и решил покопаться в анналах. В Ленинку пошел. И ничего, понимаешь ли. Пусто! Никакой информации. Я уж отчаялся. И вот однажды в «Русской старине», кажется, за 1881 год мне попала статья некоего приват-доцента... как то бишь его? Остроглазов... Остроумов... Остродумов... В общем, остро... чего-то там... Полемика там была с каким-то французским этнографом. А суть полемики в отношении к языческим обрядам, практикуемым еще кое-где в Европе. Француз утверждал, что кажущиеся остатки язычества являются новообразованиями, литературщиной, а не исконными, идущими из глубины веков верованиями. Этот «острый» опровергал его, утверждая, что в глухих уголках, в частности, в России сохранились древние верования и обряды. В доказательство он ссылаясь на книгу какого-то отставного майора, чье поместье находилось неподалеку от этой Лиходеевки. Этот майор утверждал, что знает место, где до сих пор существует тайная секта колдунов. Это деревня Лиходеевка N-ской губернии. Будто бы колдуны эти способны оживлять мертвецов, чему майор самолично был свидетелем...

Получалось, мой знакомец Струмс имел основания для своих предположений. Но что же с ним самим случилось? Этот вопрос крайне занимал меня, но, конечно же, никуда я со своими расспросами бегать не стал. Себе дороже. Спустя пару месяцев я случайно прочитал в какой-то центральной газете заметку про строительство в N-ской области не то химического, не то металлургического комбината, и при нем города с поэтичным именем Светлый. В заметке упоминалось, что город строится на месте древней деревушки со смешным названием Лиходеевка. И тут меня осенило! Струмс погиб именно в Лиходеевке, не сумев справиться с тамошними колдунами! А в отместку за его смерть деревню решили снести, а кладбище заасфальтировать. И город следовало назвать не Светлый, а Струмск. Правда, это звучит не слишком благозвучно. Возможно, ход моих рассуждений покажется глупым. Построить город и завод в

отместку за гибель одного человека. Но придумать что-нибудь более логичного я не смог. – Трофимов закончил рассказ, посмотрел на остатки содержимого бутылки, потом на сидящую рядом Манюню.

– Послушай, Жорик, а чего это ты вдруг вспомнил про Лиходеевку?

– Клад там закопан. На кладбище этом... – не стал хитрить Жора, зная, что Трофимову известна его тайная страсть.

– Клад, говоришь? И большой?

– Приличный. Был я в этом Светлом. Смотрел...

– И что?

– Как вы и сказали: все заасфальтировано. Дома вокруг...

– Н-да. И никак не подобраться?

– Можно, но сложно. Представьте себе современный город. И вот посреди него... Ну как там копать?!

– Безвыходных ситуаций, как известно, не бывает, – заметил Трофимов и потянулся к бутылке.

– Ваня! – строго произнесла Манюня.

– Ну что Ваня, что Ваня?! В кои-то веки приехал гость...

Домой Жора возвращался, словно с удачных полевых изысканий. Рассказ Трофимова произвел на него сильное впечатление, хоть он до конца и не поверил в него. Впрочем, несложно проверить. Стоит только отыскать подшивку «Русской старины» за 1881 год. И Жора решил на следующий день отправиться в Ленинскую библиотеку.

Глава 5

Все оказалось весьма просто. Искомую статью он нашел довольно быстро, всего за каких-то полчаса. Изложено оказалось именно так, как и рассказывал Иван Петрович. Приват-доцент, фамилия его Остродумов, спорил с французским этнографом Фюрнье и при этом ссылаясь на книгу отставного уланского майора Кокуева. Знакомая, между прочим, фамилия, отметил про себя Жора. Видать, потомок того Кокуева, в чьем склепе спрятан клад. Интересное совпадение. Случайное ли? Книга отставного майора называлась: «Сонмища демонов черных и белых». Сам Остродумов был знаком с автором книги и, между строк читалось, относился к нему с некоторой иронией. Майор, как следовало из статьи, отличался нелюдимостью характера и странностями в поведении. К тому же пытался искать клад, причем с помощью черной магии. «Сатана не дал ему богатства», – иронически замечает по этому поводу Остродумов. «Ага, если он был небогат, значит, клада он так и не нашел», – тут же смекнул Жора. Кое-что уже проясняется.

Он два раза прочитал статью, потом попросил сделать копию на ксероксе и поинтересовался, имеется ли в наличии книга «Сонмище демонов черных и белых»? Такого издания не оказалось, его направили в отдел редких книг и рукописей, но и там данного труда не имелось в наличии.

Что ж. И это неплохо. Объем информации об этой Лиходеевке все расширяется. Теперь, после прочтения статьи в «Русской старине», становятся понятны намеки директора Светлинского краеведческого музея. Как он там говорил? «Может, что другое имеется, только не золото». Теперь понятно, о каком «другом» шла речь. Но можно ли верить во всю эту чепуху? Мумии, ожившие мертвецы... По здравом разумеении, конечно же, нет. Возможно, эти мифы придуманы специально для того, чтобы отпугнуть от кладбища докучливых кладоискателей? Чтоб не рыскали... Хотя сомнительно. Ведь там, насколько он понял, хоронили усопших. И никто этому не препятствовал. Вообще, если вдуматься, полная чепуха! Быть этого не может! Да к тому же и советский миф к древним мифам приплели. Про этого Струмса. Хотя Трофимов как будто не врун. Может, и не врун, тут же вступил внутренний голос, однако пошутить любит. Но с какой стати ему шутить? А с такой... Благодушное настроение плюс коньяк... Но ведь статья имеется. В ней все именно так, как и говорил Иван Петрович. Ну и что из этого следует? Ведь автор статьи вовсе не утверждает о подлинности сведений, приведенных в книге этого майора Кокуева. Напротив, он относится и к фактам, и к самому автору достаточно иронично. С одной стороны, он не сомневается, что существует кладбище и некая группа людей при нем. Группа, которая тайно исповедует язычество и, соответственно, практикует древние обряды. С другой же стороны, рассказы об оживших мертвецах явно вызывают у него сомнения. То, что, как он пишет, этот Кокуев самолично присутствовал при данных обрядах, еще не доказательство их достоверности. А профессор Струмс... Да существовал ли он в действительности? Допустим, существовал. И что из этого следует? Занимался проблемами биокопий человека... Хорошо, поверим. Нашел эту Лиходеевку. Вполне возможно. А потом? Потом он исчезает. Но откуда у Трофимова уверенность, что Струмс погиб в единоборстве с языческой сектой? Никаких конкретных фактов у него не имеется. Просто догадки, а скорее даже фантазии... А потом, это нелепое предположение: в отместку за гибель Струмса Лиходеевку уничтожили, а кладбище заасфальтировали. И для этого на ее месте был построен город. Весьма своеобразная месть. Весьма! Можно было осуществить ее значительно проще и дешевле. Ясно одно: рассказы о кладбище имеют под собой реальную почву. Конечно, никаких оживших мертвецов и прочей кинематографической чертовщины не было и быть не может, но существовала то ли секта, то ли реликтовая группа потомков жрецов Чернобога. А клад? Скорее всего, он лежит на своем месте до сих пор. Добраться до него представляется чрезвычайно сложным и доро-

гостоящим предприятием. И очень хорошо, что девчонка забрала назад папку с документами. Пускай ищет, если уж так приспичило.

Жора прекратил изыскания, связанные со Светлым, и почти забыл о его существовании. Правда, нет-нет да и вставал перед внутренним взором пустынный двор, мокнувшие под дождем качели и скамейки... И полнейшая тишина, словно вокруг было глухое поле, а не многолюдный город.

Приближалось лето, а значит, и отпуск. Четких планов на сей счет у него пока не имелось. Хотелось поехать к морю, скажем, на Таманский полуостров, и совместить поиски древностей с отдыхом в палатке где-нибудь в пустынной, пропахшей полынью и тимьяном балке. Можно побродить с металлоискателем по давно намеченным местам в средней полосе. Словом, перспективы вырисовывались довольно заманчивые.

Жора решил пойти в отпуск с середины июня. К этому времени, как он надеялся, погода стабилизируется, холод и дожди уступят место ясным, солнечным дням, можно будет загорать и купаться. До начала заветной поры оставалось буквально пара дней, которые он досиживал в своем кабинете как на иголках. За окном шел дождь, но мелкий, теплый, суливший скорое появление солнца. И как раз в эту минуту в кабинете раздался звонок.

Жора снял трубку. Требовали его. Голос был незнакомый, вернее, когда-то он его уже слышал.

– Я на проводе, – отозвался наш герой. – А кто это?

– Сергей Белояров. Забыли, наверное... Директор краеведческого музея в Светлом.

– Как же я мог вас забыть? – вежливо возразил Жора, одновременно размышляя: интересно, что ему нужно?

– Твоя работа? – резко спросил директор.

– Ты о чем?

– Ну, как же... Кладбище-то начали раскапывать.

– Не может быть!

– Да, точно! А я считал, ты в курсе.

– Честно говоря, нет. Я уж про него и думать забыл. Расскажи поподробнее.

– А чего рассказывать... Раскопки пока что не начались, но площадка во дворе, та самая, по которой мы с тобой бродили, уже отгорожена. Я случайно узнал... Не поверил. Прихожу: точно! Кинулся в городскую управу. Никто ничего не знает. Отослали за разъяснениями в жилищно-коммунальное хозяйство города. Там и объяснили. Все, оказывается, очень просто, – в голосе Сергея звучала ирония. – Началась замена труб теплотрасс.

– И что тут такого? – удивился Жора.

– А то, что я кинулся к эксплуатационникам. Мол, растолкуйте, кто ведет работы, какой срок они займут и можно ли мне присутствовать в качестве археолога? И они меня огорошивают: работы производит сторонняя организация, чуть ли не из областного центра, и, что самое интересное, частная. Это, мол, своеобразный эксперимент в рамках коммунальной реформы. Кто, спрашиваю, дал разрешение. Показывают пальцем вверх. Управа. Я опять туда. Снова полное непонимание. Мы, мол, не в курсе. Словом, концов не найдешь. А между тем забор отгрохали высоченный. Вот первое, что меня насторожило. Ну скажите мне, зачем при замене теплотрасс забор?! Ведь это не строительство. И второе. Самих труб, которые обычно подвозят перед началом работ, не наблюдается вовсе! Как это все понимать?! Тут я вспомнил о тебе. Не иначе, думаю, мой московский знакомый затеял самостоятельные раскопки. Однако ты отрицаешь... А может быть, все-таки нет?

– Ни сном ни духом! – закричал Жора. – Не я это, дорогой Сергей Александрович! Не я! Есть у меня некие догадки... Но только догадки. Однако все весьма занятно.

– Тебе, может, и занятно, а мне какво!

– А ты-то тут при чем?

- Да ведь я отвечаю за все исторические памятники Светлого.
- Так кладбища как такового не существует. А под землей мало ли что лежит.
- Это ты так считаешь...
- Ладно, не будем усложнять. А скажи: фамилия Струмс тебе что-нибудь говорит?

На другом конце провода повисло молчание, затем Сергей довольно тихо, словно опасаясь подслушивания, произнес:

- Говорит.
 - И кто же это?
- Вновь пауза. Потом Жора услышал:
- Не по телефону.
 - А если я приеду, – осторожно поинтересовался Жора, – не помешаю?
 - Отчего же. Буду только рад.
 - Ты это серьезно?
 - Вполне. Может быть, пригодишься.
 - Хорошо. На следующей неделе у меня как раз начинается отпуск. Значит, я приезжаю.
 - Буду ждать.

«Н-да. Дела! – кумекал наш герой. – Неужели эта Бланка настолько шустра? Просто-таки не верится. Меньше чем за месяц она смогла организовать экспедицию, и не просто экспедицию, а солидное предприятие, требующее значительных капиталовложений. На кого же девчонка вышла? Чувствуется, на серьезную личность. Ладно, посмотрим. А если это не она? Тогда кто? Действительно, некая структура, действующая в рамках жилищной реформы? Вовсе маловероятно. Самое простое: съездить туда и посмотреть своими глазами. Правда, непонятен сам ажиотаж вокруг этих раскопок. Директор явно перегибает палку. Может, он тоже знает о кладе? Какое ему дело до древних захоронений. Или в самом деле такой фанатик краеведения?»

В воскресенье утром Жора накупил припасов, взял на всякий случай палатку, спальный мешок, удочки, естественно, не забыл металлоискатель, верный «Фишер», и двинул в путь. Дорогу он уже знал и до областного центра допиллил к обеду. Не останавливаясь в городе, Жора заправился и поехал в Светлый.

Если в апреле леса по краям шоссе стояли голые и только набирались живительной подземной силы, то нынче они радовали глаз свежей зеленью. Дорога сразу показалась веселей. Жора не торопился. Он не спеша ехал по относительно пустынной дороге, и хотя обошел несколько тяжело груженных фур, но вовсе не стал соревноваться в скорости с обогнавшим его «Мерседесом». Проехав с полчаса, он увидел между деревьев голубую полосу воды и тут же съезд к ней. Джип медленно сполз с шоссе, и Жора покатил по мягкому, грунтовому проселку, выведшему машину к заросшему болотной травой берегу небольшого озера. Место казалось совершенно безлюдным, ветер посвистывал в камышах, а сердце нашего героя неожиданно наполнилось беспричинной грустью. Он достал сигарету, закурил и некоторое время меланхолично наблюдал, как носятся над водой кулички. Однако солнце светило столь жарко, а от росших почти на берегу сосен шел столь сильный смоляной дух, что Жора вмиг развеселился и решил порыбачить. Ведь не зря же захватил рыболовные снасти. Он достал спиннинг и пошел вдоль берега, ища подходящее место. Метров через сто в стене камыша возникло «окно». Жора взмахнул спиннингом, и леска хлестнула по неподвижной воде. Он безрезультатно швырял блесну, пока наконец она не зацепилась за какую-то корягу и никак не хотела сходить с зацепа. Поняв, что вытащить ее не удастся, наш герой обрезал леску и привязал новую снасть. Но и эта блесна очень быстро зацепилась за что-то. Решив достать ее, Жора разделся, но стоило ему ступить в воду, как ноги тут же провалились в вязкий ил. Чертыхаясь, он кое-как вылез на берег, подобрал одежду, бесполезный спиннинг и поплелся к джипу.

Жора был человеком суеверным, опасался нехороших примет, и все случившееся воспринял как некое предзнаменование. Две блесны потерял, в грязи вывалился как свинья. Нехорошее начало. Не вернуться ли? Однако до Светлого оставалось пути всего ничего. Жора мысленно высмеял собственные нехорошие предчувствия, потом достал бутерброд с ветчиной, налил из термоса кофе и перекусил. Только сейчас, с чашкой в руке, он по-настоящему огляделся вокруг. То, что он принял за озеро, больше походило на болото. И тянуло от него затхлым, гниловатым запахом. Из воды, между камышом, торчали гнилые черные коряги. Лишь пернатая живность, которой здесь было великое множество, оживляла тоскливое однообразие места. Жора допил кофе, сплюнул и закурил. Отшвырнув окурок, он достал канистру с питьевой водой и стал приводить себя в порядок. Закончив туалет, он завел машину и вырулил на шоссе. Вскоре показался знакомый монумент в форме пирамиды с раструбом на вершине, символизирующий лабораторную колбу. Жора въехал в город химиков и металлургов.

Как ни странно, дом, где жил директор краеведческого музея, он отыскал сразу, хотя и был здесь один раз, да и то вечером. Поднялся на лифте, долго звонил в дверь, но никто так и не отпер. Никого нет дома. Где же Сергей? Хотя Жора не предупредил о времени своего приезда, он все равно должен ждать. Хотя, возможно, выскочил в магазин. Или?.. А вдруг он крутится возле этого забора? Скорее всего. Отправляюсь-ка туда.

Он прекрасно помнил адрес громадного дома, ограничивавшего пресловутый двор с одной из сторон: проспект Химиков, 13. Минут через пять джип остановился в кармане, возле одного из подъездов. Жора вышел из машины и обозрел окрестности. Первым, что он увидел, был забор. Это солидное, добротное сооружение из нестроганных досок высилось метра на три и перегораживало громадный двор чуть ли не пополам. Жора вдоволь налюбовался на капитальную постройку, потом подошел к воротам, изготовленным из такого же горбыля. Ворота оказались плотно затворенными. Жора подергал их, но, поняв тщетность своих попыток, попытался найти хотя бы крошечную щелку. Однако таковой не имелось. Забор был сработан капитально.

Он отошел в сторону и стал наблюдать, как молодая мамаша раскачивала на качелях свое чадо. Зазвонил сотовый телефон. Жора достал трубку.

– Вы чего там крутитесь? – услышал он недовольный голос и узнал Сергея.

– Приехал вот... Вас ищу.

– То, что приехали, хорошо. Извините, не встретил. Я тут наблюдаю за ходом работ. Вы вот что. Посмотрите налево. Видите десятиподъездный дом? Идите к шестому, войдите внутрь и поднимитесь на лифте на последний этаж. Квартира 284. Жду.

Жора выполнил требуемое и вскоре стоял перед нужной дверью. Замок щелкнул, на пороге возник директор в джинсах и черной футболке. В руке у него был мощный бинокль.

– Заходите, Георгий. Рад вас видеть. Ага, познакомьтесь. Это хозяйка квартиры Любовь... э-э... Степановна.

Жора увидел за спиной Сергея миловидную невысокую женщину лет тридцати в домашнем халатике.

– Скокова, – протянула та узкую ладошку. – Можно просто Люба.

– Сотрудница нашего музея, – отрекомендовал Любу директор. – Любезно позволила мне организовать в своей квартире наблюдательный пункт.

– Очень мило, – отозвался Жора. – Куда проходить?

– Да на кухню. Вот здесь у окна я и устроился. Под прикрытием занавесок. Соблюдаю маскировку. Увидеть меня с площадки непросто, однако все равно необходима осторожность. Заборище видели? Ну и размахнулись! Каковы гады?!

– Н-да, – согласился Жора. – И что же вы узрели?

– Пока дела в подготовительной стадии. На площадку привезли компрессор, отбойные молотки... Рабочих пока нет, ходят лишь какие-то типы с теодолитами. Прикидку, видать по всему, делают. И это в выходной день.

– Дайте-ка взглянуть?

Директор протянул Жоре бинокль. Тот навел резкость... На площадке среди песочниц и горок стоял строительный вагончик, а возле него компрессор и кунг. Еще здесь имелись две иномарки: джип «Ниссан Патрол» и «Ауди». Обе машины с московскими номерами. На площадке присутствовало также несколько человек. Жора внимательно изучал лица людей. Одно показалось ему знакомым. Он присмотрелся. Не может быть! Он или не он? Кажется, он. Так и есть! Сэм! Жора предчувствовал нечто подобное. Он саркастически усмехнулся.

– Узнали кого? – спросил Сергей.

– Кажется, да. Вон того, в коже.

– Кто таков?

– Все называют его Сэмом. Известная в определенных кругах личность. Профессиональный кладоискатель. Раньше был черным следопытом.

– Это которые по полям былых сражений шарят?

– Вот-вот. Из них. Но окопы и блиндажи Сэм давно забросил. Теперь он роется лишь в местах, сулящих приличную прибыль. То есть ищет настоящие клады. И не просто ищет, а частенько и находит. Создал собственную фирму «Трэшер айленд Лтд.», «Остров сокровищ» по-русски. Кстати, ищет не только на суше, но и на море. По слухам, недавно отыскал шведскую галеру начала восемнадцатого века в Финском заливе. Рассказывают, на Днепре, возле Запорожья, поднял какое-то древнее судно. Копал в Крыму, в Чуфут-Кале, на Березани... Но главные места его изысканий – в центральных губерниях России. Искал и находил забытые дворянские склепы в заброшенных поместьях, говорят, неплохо поживился в крупных провинциальных городах, где до сих пор много старинных домов.

– Но ведь это же незаконно! – воскликнул Сергей. Круглое, добродушное лицо его выражало возмущение.

– Возможно, и незаконно. Но что из того? Что-то он сдает государству, что-то продает в музеи. Иногда даже дарит. Обставляет эти акции с большой помпой. Дает интервью. Даже книгу написал. Своего рода пособие по поиску кладов. Оборотистый парняга. Несколько раз его пытались прижать к ногтю. Один раз даже посадили, но быстро выпустили за отсутствием состава преступления.

– Свинство какое!

– Каждый зарабатывает как может, – меланхолично заметил Жора. – Он ничем не хуже всех этих шустрил, приватизировавших нефтяные скважины, заводы, газеты, пароходы...

– Иди с ним почеломкайся, – презрительно произнес Сергей.

– Целоваться нам не стоит, – спокойно отозвался Жора, – а потолковать можно. Ведь я первый узнал о кладе.

– Какой там клад?! Ерунда все это! – пренебрежительно заметил директор.

– Клад существует. Ведь не зря же здесь появился Сэм. Поверь, он просто так ничего не делает. А о кладе я тебе могу рассказать. Тем более что это уже не тайна.

Он отложил бинокль в сторону, уселся на табурет перед Сергеем и стал спокойно повествовать о Бланке, документах из старой папки и своих изысканиях. Директор напряженно слушал, но не перебивал, только время от времени облизывал губы.

– Ты полагаешь, девушка отнесла папку этому Сэму? – наконец спросил он.

– В этом нет сомнения. Ты же сам видишь... Коли поиски начались, значит, рукопись и дневник попали к Сэму. Как уж она вышла на него, один черт ведает. Скорее всего, через Интернет.

– Нет там никакого клада! – твердо произнес Сергей.

– Что ты заладил как попугай: «Нет и нет!» Пусть нет. Тебе-то какое дело? Разроют они двор... Неприятно, конечно, но опять же ты тут не живешь. Однако я считаю: ищут они не

наобум. К тому же сомнений в подлинности старинной рукописи, тем более дневника этого шофера, у меня нет.

– Может быть, чаю? – вступила в разговор хозяйка квартиры.

– Неплохо бы, – отозвался Жора, – а то ваш директор уж больно разгорячился.

– Вот ты по телефону спрашивал: не слышал ли я о таком Струмсе? А ты откуда о нем узнал?

– Да уж узнал, – отозвался Жора. – Слухом, так сказать, земля полнится. Дело хоть и давнее, но его помнят. А правда, что он погиб в этих местах?

– В этом нет ни малейшего сомнения, – несколько высокопарно произнес Сергей.

– А при каких обстоятельствах?

– Ты же знаешь. Зачем спрашиваешь?

– Знаю, да не все.

– Струмса и его ассистента, некоего Колю, зарезали в областном центре.

– И кто же?

– Следствие так и не установило.

– А я слышал, будто он вступил в конфликт с местным колдовским сообществом.

– В принципе имело место нечто подобное. Только не он начал конфликт, а некая Петухова. Ну да не в них дело.

– А в чем?

– Не знаю, тот, кто тебе рассказал о Струмсе, упоминал ли он, чем тот фактически занимался?

– Типа, работал над проблемой биороботов, или, если выразаться популярными терминами, андроидов. Так сказать, современный Франкенштейн.

– Вот-вот, Франкенштейн... Именно что Франкенштейн!

– Еще человек, который поведал мне о Струмсе, сообщил: под вашим городом находится древнее кладбище, захороненные на котором на самом деле не мертвы, а вроде как дремлют в анабиозе. Я, право слово, усомнился. И ты толковал мне о чем-то подобном. Ну, извините, не могу поверить! Пока сам не увижу...

Сергей некоторое время молчал. Хозяйка квартиры наполнила две расписные чашки чаем, поставила перед гостями вазочку с печеньем и удалилась, предварительно затворив за собой дверь. Сергей взял бинокль и стал наблюдать за происходящим во дворе. Жора мелкими глотками отхлебывал свежий чай и с легкой иронией смотрел на директора.

– Представительный хлопец, этот твой Сэм, – наконец заметил директор. – Видный!

– Столько же мой, сколько и твой, – отозвался Жора. – Но внешне он, конечно, впечатляет. Длинные волосы цвета воронова крыла, огненный взгляд, сумрачное лицо. Словом, современный Чайльд Гарольд. Но по жизни – цепкий и оборотистый авантюрист без сантиментов. Правда, мы с ним едва знакомы. Я могу судить лишь по отношению к нему других. По их рассказам. При случае Сэм, не раздумывая, кинет даже ближайшего приятеля.

Сергей поставил бинокль на стол и отхлебнул из своей чашки.

– Мне до твоего клада и дела нет, – равнодушно сказал он. – Меня другое волнует.

– Что же?

– Непосредственно сами раскопки. Понимаешь, я изучал кладбище на протяжении последних пяти, нет, виноват, шести лет. Все тут излазил, все ощупал своими руками. Ведь под нами не только могилы, а и многочисленные подземные ходы. Древние ходы! И по ним я бродил... Я, если хочешь знать, – тут Сергей понизил голос до шепота, – приставлен охранять кладбище от внешнего вторжения, от посягательств на него. Потому что, если начинают безо всякого смысла копаться в нем, происходят... ну как бы выразиться... Экстраординарные события, что ли.

– Кем же ты приставлен? – с интересом спросил Жора.

– Неважно.

«А у малого случайно крыша не поехала? – кумекал про себя наш герой. – От всех этих могильных тайн вполне может. Приставлен он, видите ли. Только вот кем? Может, городской санэпидемстанцией?» Он невольно усмехнулся. Директор понял его усмешку вполне правильно.

– Считаешь, выдумываю? – спросил он без особого, впрочем, напора.

Жора пожал плечами, но ничего не сказал. Вместо этого он вновь взял бинокль и стал наблюдать за происходящим на площадке. Кроме Сэма, здесь присутствовало еще несколько человек. Один – мужчина средних лет, по виду мелкий строительный начальник, бригадир или прораб, в джинсах и куртке-спецовке, из нагрудного кармана которой торчали несколько ручек, держал в руках какой-то план и вышагивал по участку, меряя расстояние шагами, то и дело сверяясь с планом. Следующий персонаж – высокий худой прыщавый парень с очень длинными, распущенными по плечам волосами. Этот выглядел как столичный хиппи с площади Пушкина. На лице у него присутствовало выражение полной отрешенности от происходящего. Он лениво курил, то и дело сплевывая в сторону, и, казалось, не обращал ни на окружающих, ни на обстановку никакого внимания. Имелся и еще один молодец с металлоискателем в руках и наушниками на голове. Он был одет проще всех: в застиранные шорты и такую же майку. Мосластые, заросшие волосами кривоватые ноги торчали из штанин, придавая парню несколько комический вид. Парень медленно ходил по площадке, поводя из стороны в сторону своим прибором и время от времени делая мелом отметки на асфальте.

Сэм какое-то время наблюдал за происходящим, потом направился к джипу, вытащил оттуда раскладной стул и, усевшись в тени строительной будки, закурил трубку. Позер!

– Сегодня копать не будут, – уверенно произнес Жора. – Пока проводят рекогносцировку, прикидывают, откуда начинать, и вообще занимаются организационной чепухой. Видно, начнут завтра.

Директор взял из рук Жоры бинокль и тоже зашарил по площадке.

– Вот сволочи! – выругался он.

– Что такое? – Жора тоже глянул на улицу, но ничего для себя нового не увидел, поэтому воспринял возглас Сергея как недовольство действиями чужаков. – Где мне на этот раз остановиться? – спросил он у директора.

– Да у меня. Где же еще? – ответил тот, не отрываясь от окуляров.

– Неудобно, да и тесновато.

– Что значит неудобно? В самый раз. Чего на гостиницу тратиться. А что тесновато, так не барин, можешь и потерпеть.

– Да я привычный. Вот ты...

– А я тем более. Вдвоем-то веселее. И решить все можно, как говорится, не отходя от кассы.

– Так ты что, записываешь меня в соратники?

– А почему нет? Ты же клад приехали искать...

– Ну...

– Вот и ищи себе на здоровье.

– Да как же?.. А эти? Куда мне против них, – Жора указал пальцем на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.